

INSPIRIA

Фабрика романов в Париже

ДИРК ХУЗЕМАН

INSPIRIA

Дирк Хуземан

Фабрика романов в Париже

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Хуземан Д.

Фабрика романов в Париже / Д. Хуземан — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-197978-2

Тайна, перевернувшая жизнь Александра Дюма.. 1850 год. Весь Париж не может оторваться от «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма. Мало кто знает, что в доме писателя семьдесят «литературных рабов» пишут новые главы его шедевров. Успехи Дюма не могут не вызывать зависть. Последняя работа Александра провоцирует масштабные политические волнения по всей стране. Репутация и жизнь писателя под угрозой. Вот только он статью не писал. Чтобы спасти себя, Дюма должен объединиться со своим врагом — женщиной, чья ненависть сильна так же, как его страх. «Фабрика романов в Париже» — это изысканный и увлекательный исторический роман с тонким юмором». — GoslarscheZeitung

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-197978-2

© Хуземан Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Герои романа	6
Часть 1. Мечтатель в Лувре	7
Глава 1. Париж, конец ноября 1851 года	7
Глава 2. К западу от Парижа, шато Монте-Кристо, декабрь 1851 года	10
Глава 3. К западу от Парижа, шато Монте-Кристо, декабрь 1851 года	14
Глава 4. К западу от Парижа, шато Монте-Кристо, декабрь 1851 года	18
Глава 5. Десять лет назад, у подножия крепости Дорн на Рейне, октябрь 1841 года	23
Глава 6. К западу от Парижа, шато Монте-Кристо, декабрь 1851 года	26
Глава 7. Три дня назад, Париж, ноябрь 1851 года	27
Глава 8. Париж, дом семьи Шмалёр, ноябрь 1851 года	31
Глава 9. Париж, дом семьи Шмалёр, ноябрь 1851 года	35
Глава 10. Париж, дом семьи Шмалёр, ноябрь 1851 г.	40
Глава 11. Париж, Лувр, декабрь 1851 года	43
Глава 12. Париж, дом леметра, декабрь 1851 года	46
Глава 13. Париж, дом Леметра, декабрь 1851 года	51
Глава 14. Париж, декабрь 1851 года	56
Глава 15. Глава 15. Париж, декабрь 1851 года	59
Глава 16. Париж, Опиталь де ла Шарите, декабрь 1851 года	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дирк Хуземан

Фабрика романов в Париже

Dirk Husemann

Die Romanfabrik Von Paris

© 2020 by Bastei Lubbe AG, Köln

© Восканян Д., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Обычно я начинаю книгу только тогда, когда она уже написана.

Александр Дюма

Герои романа

Александр Дюма, писатель
Анна Молль, графиня Дорн, учительница
Тристан, граф Дорн, ее покойный муж
Иммануэль, ее слуга и кучер
Этьен Леметр, магнетизёр
Бен Саймс, его помощник в Лондоне и Санкт-Петербурге
Мадам Менье, его кучер
Фрушар, наемный писатель на «фабрике романов»
Дюма в шато Монте-Кристо
Моке, швейцар в шато
Ипполит, слуга Дюма
Олаф Шмалёр, любекский торговец сельдью в Париже
Мари-Александрин Шмалёр, его жена
Анриетта, его дочь
Жан, его сын
Огюст Мариетт, египтолог и хранитель египетской коллекции в Лувре
Бернар Пивер, французский политик в Париже
Доктор Лассайи, врач в Опиталь де ла Шарите
Месье Ламбермон, хозяин гостиницы «Ламбермон» в Брюсселе
Виктор Шувалов, русский торговец из Санкт-Петербурга
Принц Альберт, британский престолонаследник в Букингемском дворце
Леди Эсми, его гувернантка
Леди Элис, герцогиня Вустерская
Фергус Сиборн, ее любовник
Джордж, повар в Букингемском дворце
Лорд-судья Дигби, судья в Ньюгейтской тюрьме
Икинс, цирюльник в Ньюгейтской тюрьме
Преподобный Коллинз, священник в Ньюгейтской тюрьме
Доктор Бейли, шарманщик в Лондоне
Поппи Робак, продавщица газет в Лондоне
Клеман Кюнен, французский жандарм
Жак Фульширон, французский жандарм

Часть 1. Мечтатель в Лувре

Глава 1. Париж, конец ноября 1851 года

Анна чувствовала себя героиней романа. Еще неделю назад она была учительницей немецкого в Карлсруэ. А теперь колесила в инвалидном кресле по Парижу, преследуя человека по имени Александр Дюма.

Она должна положить конец его преступлениям.

Но для начала ей нужны доказательства. Анна попросила своего слугу Иммануэля разыскать продавца газет. Иммануэль катил ее по бульвару. Еще никогда Анне не доводилось видеть такой толпы. Спешащие куда-то и то и дело задевали ее коляску. Осенний ветер обдувал лица. Прохожие придерживали шляпы. Анна потуже затянула под подбородком платок, обвязанный вокруг чепца.

Вскоре Иммануэль показал на рыночную палатку из досок, ящичков и простыни, сооруженную перед ярко освещенным кафе. Молодая продавщица раскладывала по прилавкам книги и газеты.

– Экий ноябрь – все перепачкает, – отозвалась торговка, когда Анна пожелала ей доброго вечера. – Мои газеты на все сгодятся: сперва можно скоротать вечер за чтением, а после застелить ими мокрые полы, – жестикулируя усталой рукой, расхваливала товар женщина.

– Александр Дюма, – сказала Анна. – Вы его знаете?

Глаза продавщицы вдруг засветились ярче огней кафе.

– Месье Дюма? Разве я похожа на даму из высшего общества? – показала она на свой потрепанный халат.

– Разумеется, я про его истории. У вас есть что-нибудь из его произведений? – Анна указала на газеты.

Продавщица вытащила экземпляр и протянула Анне.

– Когда-то он писал для *Le Siecle*¹. А теперь издает собственную газету.

Le Mousquetaire, «Мушкетер» – прочитала Анна заголовок на французском. Ниже было написано: *Journal de M. Alexandre Dumas* – Газета месье Александра Дюма. Она поправила очки. Первую страницу украшал рисунок фигуры в историческом костюме – вероятно, мушкетера, давшего имя изданию. Рядом с ним был изображен стол, у которого стояло ружье.

Анна протянула руку. Однако продавщица, убрав газету, выставила черный от типографской краски палец.

– Пятнадцать сантимов², – потребовала она. – Сначала платите, а потом читайте. Старая житейская мудрость газетчиков.

Анна достала из кошелька три монеты. Иммануэль привез ее с газетой в руках в шумное кафе. Рекой лились разговоры; позвякивали, ударяясь о фарфор, серебряные ложки. Отыскав крошечный круглый столик, Анна заказала себе кофе, а Иммануэлю – пиво. Развернув газету, она положила ее на испарпанную зеленую столешницу. «Мушкетер» был напечатан на тонкой дешевой бумаге. Буквы просвечивали. В некоторых местах печатный станок чуть не пробил лист насквозь. Надпись на первой странице гласила: «Французы, прочь из Парижа». Так озаглавили обвинительное заключение о перестройке города бароном Османом. Большинству граждан Парижа была не по карману плата за новые роскошные квартиры, и им приходилось

---

¹ *Le Siecle* (фр. «Эпоха») – парижская газета, в которой впервые публиковался роман Дюма «Три мушкетера». Издавалась с 1836 по 1932 год.

² Сантим – медная монета во Франции, Бельгии и Швейцарии, составляющая сотую долю франка.

переселяться в обедневший район к востоку от Сены. Анна пробежала статью глазами. Нет, это не то, что она искала. Так вот же! Внизу на титульной странице разместились статья в две колонки о новой истории, вышедшей из-под пера Дюма. Там же было написано, что уже в этом выпуске можно прочесть текст: первую часть романа «Могикане Парижа».

Ее-то Анна и искала. Отдав титульный лист Иммануэлю, она стала читать дальше.

На второй странице она нашла историю. Героями оказались двое влюбленных, Коломбан и Кармелита. Они умело выкарабкивались из опасных ситуаций, куда попадали из-за собственной заносчивости. Анна с трудом одолела главу целиком. После она подозвала официанта, расплатилась, выудив пару монет из иссякающего запаса, и справилась у него о ближайшей жандармерии.

Полицейский участок располагался в мрачном доме на улице де Клеры. Иммануэль провез Анну через входную дверь. В воздухе висел запах мужского пота и трубочного табака. За письменным столом, на котором царил беспорядок, сидел мужчина в форме с заспанным и отсюда угрюмым выражением лица. Приглаживая тонкие усы, служащий спросил Иммануэля, чего ему нужно.

– Он со мной. Мне есть что вам доложить, – сказала Анна.

– Слушаю вас, мадам, – устало отозвался мужчина.

– Я пришла выдвинуть обвинения против Александра Дюма, – сказала Анна.

Усталость тут же исчезла с лица жандарма.

– Против писателя?

– Разве в Париже так много людей с этим именем? – ответила Анна. – Разумеется, против писателя.

Сослуживцы полицейского, сидевшие за двумя столиками сзади, подняли головы.

– Что он натворил на сей раз? – спросил мужчина у входа.

– Выходит, он известный преступник? – спросила Анна в ответ.

– Об этом распространяться не разрешено. Вы хотели выдвинуть обвинения. За что же? Достав лист бумаги, он вытащил пробку из бронзовой чернильницы.

– За... – Анна бросила взгляд через плечо. Ее спутник пожал плечами. – . развращение нравов, – нашла она.

Жандарм нахмурился.

– Дюма вас как-то побеспокоил?

– Еще как побеспокоил, – продолжила Анна. – Каждым своим словом он вгоняет меня в краску.

Полицейские за дальними столиками поднялись и подошли поближе.

– Мадам, – начал жандарм. – Мы живем в свободной стране. Месье Дюма – один из самых успешных и излюбленных писателей. Обвинения...

– Его любят, потому что он оглушает читателей и привлекает дешевыми уловками. Он, он. – слово никак не давалось Анне, – гипнотизер. Он превращает людей в послушных марионеток. Он опасен!

Тут полицейские переглянулись. Один махнул рукой, будто обжегшись.

– Я требую, чтобы полиция приняла против него меры.

– Мы не можем посадить человека в тюрьму лишь за то, что он пишет романы, – сказал служащий у входа.

– Разве я говорила про тюрьму? – Анна ударила по столу рукой в перчатке. – Прикажете оборвать объявления, восхваляющие его грязь. Запретите его газету. И проследите за тем, чтобы ваши соотечественники читали хорошие книги. Откройте публичные библиотеки и школы.

– Адрес? – спросил жандарм.

– Я не знаю, где этот писака устроил логово, – сказала Анна.

– Мадам, я имею в виду ваш адрес. Вы проживаете в Париже?

Анна замешкалась. Быть может, в этот самый миг разгневанная мадам Шмалёр приказывала слугам вынести сумки из комнаты Анны и снять ее постельное белье. Но пока Анна не знала этого наверняка, она все еще жила в том доме. Анна назвала адрес: улица Реамюр, 38.

Наскоро заполнив документ, жандарм отдал его Анне на подпись. Затем он положил лист на стопку, сцепил руки в замок и сказал:

– Доброго вечера, мадам.

У него на лице застыла маска напускного добродушия.

Анна наклонилась над столом и протянула руку за документом. Она поднесла его поближе к очкам.

– Где обозначены меры, которые будут приняты полицией?

Вздыхнув, жандарм попытался забрать документ у Анны.

– Они нигде не обозначены. Это остается на усмотрение нашей жандармерии.

– И что же жандармы могут усмотреть? – возмутилась Анна.

Ей стало душно. Эти люди не воспринимали ее всерьез. А все потому, что она была женщиной и сидела в инвалидном кресле! Ее охватил горячий стыд.

– Это касается только нашей канцелярии.

Ловким движением жандарму удалось выхватить документ, однако лист разорвался пополам.

Анна бросила клочок бумаги в человека в форме. Тот попал ему в грудь и бесшумно спланировал на пол.

– Вы всего лишь прислужник, – набросилась на него Анна. – Предоставьте мне начальника полиции.

– Не хотели бы вы в таком случае обратиться к президенту республики?

Анна хотела было попросить Иммануэля научить нахального француза хорошим манерам, но в этот миг вмешался другой полицейский. Обогнув стол сослуживца, мужчина вырос перед инвалидным креслом Анны. «Если он сейчас вальяжно присядет рядом со мной на корточки, я закричу», – пообещала она себе. Однако жандарм стоял, глядя на нее сверху вниз. На нем была та же синяя форма, что и у его сослуживцев, но на плечах красовалось больше значков.

– Позвольте мне сделать небольшое замечание, мадам. Похоже, вы не француженка, – сказал он низким голосом.

– Я из Великого герцогства Баден. Какое отношение это имеет к моему обращению? – фыркнула Анна.

– Разумеется, никакого, – ответил офицер. – За одним лишь исключением: вероятно, вам неизвестно, какое учреждение во Франции следит за соблюдением правил хорошего тона.

– Конечно же, полиция, – сказала Анна. – Разве не так?

– Вам стоит обратиться в цензурное ведомство, – поведал жандарм. – Избавьте бедного Гади от лишних хлопот. Вашу жалобу, – он указал на клочок бумаги, – мы все равно бы передали нашим товарищам из цензурного ведомства. Но на это уйдут недели. Почему бы вам не посетить их лично? – Служащий продиктовал адрес. – Можете зайти завтра в восемь, кто-то точно будет на месте.

Немного погодя он добавил:

– Имейте в виду: произведения Дюма у нас горячо любимы. Если из-за вас его работы падут жертвой цензуры, вы настроите против себя всю Францию.

Глава 2. К западу от Парижа, шато Монте-Кристо, декабрь 1851 года

Париж был столицей зловония и родиной туалетной воды. Ни в одном уголке Европы не нашлось бы столько парфюмерных магазинчиков, нигде больше состоятельные дамы и господа не тратили так много денег на эфемерные ароматы. И неспроста: Париж был помойной ямой. С улиц поднималась нестерпимая вонь, в воздухе парила безнравственность, колоколом накрывавшая город. Французские короли, оставшиеся в прошлом, стремились улучшить любую возможность, чтобы укрыться от грязи и нечистот. Они проветривали аллонжи³ и жюстокоры⁴ на охоте в Булонском лесу, но после дневных увеселений им приходилось возвращаться в болото, лишь притворявшееся великим городом. Немудрено, что самые зажиточные богачи отдавали целое состояние, чтобы жить за пределами Парижа. Они переселялись на запад, на склоны Сен-Жермен-ан-Ле⁵: оттуда город еще было видно, но уже не чувствовалось дыхание его зловонной пасти.

Именно там каждый уважающий себя французский князь велел возвести замок. Там появлялись на свет и от него же погибали короли. Там герцоги грызли куриные ножки и швыряли обглоданные кости в сторону Парижа. Там самые богатые мужчины приглашали прекраснейших девушек общества на чакону⁶, и, кружась в танце, наступали им на ноги. Живущие в Сен-Жермен-ан-Ле становились немного ближе к небу.

Со временем королей поглотила череда революций, и теперь, в 1851 году, их совсем не осталось. Но их замки никуда не исчезли. Ныне они принадлежали богатым буржуа, сколотившим состояние на железных дорогах и сигарах, кашемировых тканях и фарфоре, венецианском хрустале и кристальном шампанском.

Но только простой люд довольствовался жизнью в пыльном великолепии и упокоением там, где короли из династии Бурбонов пускали благородные газы. Поистине успешные люди строили себе дворцы сами.

Не так давно поблизости замка Генриха IV, где родился король-солнце⁷, появилось новое шато. Его владелец причислял себя к монархам и называл себя королем поэтов. В Париже его считали волшебником, превращавшим слова в деньги. А в Сен-Жермен-ан-Ле он славился прежде всего тем, что умел испарять деньги в воздухе.

– Пишите! – Голос прогремел по комнате, оклеенной обоями сливового цвета.

Помещение напоминало школьный класс: друг за другом в нем стояли десять письменных столов. За ними, склонившись, сидели десять мужчин. На лбах у них блестели капельки пота. Перья у них в руках танцевали, исписывая лист за листом. Один из них, худой юноша со светлыми волосами и полами, давно вышедшими из моды, остановился, посмотрел на написанное, коснулся кончиком пера щеки и теперь смотрел в окно.

Из раздумий его вырвали тяжелые шаги. На рабочее место упала тень.

– О чем думаете, юный друг? – прозвучал хриплый бас.

– Мне кажется, в истории, которую я должен изложить в соответствии с вашими представлениями, что-то не так, месье Дюма, – сказал писатель, не отрывая взгляда от окна.

---

³ Аллонж – парик с длинными волнистыми локонами.

⁴ Жюстокор – длинный мужской кафтан, сшитый по фигуре, без воротника, с короткими рукавами, с карманами.

⁵ Сен-Жермен-ан-Ле – город на реке Сене, к западу от Парижа, где находилась загородная резиденция королей Франции – Сен-Жерменский замок.

⁶ Чакона – старинный испанский танец.

⁷ Король-солнце – так называли Людовика XIV, короля Франции и Наварры с 1643 по 1715 год.

Деревья в парке качались на декабрьском ветру. Капли дождя барабанили по окнам шато Монте-Кристо.

– Что-то не так, – повторил Дюма.

Он был крупным и статным мужчиной. На голове у него красовалась копна кудрявых волос. Кончики их подрагивали. На лице с полными щеками сияли ястребиные глаза. Губы его скривились, а надушенные усы вздрогнули. Не знавший Дюма человек подумал бы, что тот оскалил зубы. Но на самом деле писатель улыбался – как и всегда, когда автору «Трех мушкетеров» бросали вызов.

– Я бесконечно рад видеть такой молодой талант, как вы, на «фабрике романов», Фрушар, – сказал Дюма. – Прошу, поведайте, что в моей истории не так.

– Сюжет захватывающий и занимательный, – ответил наемный писатель. – Но, как по мне, злодей немного блеклый. – Фрушар испуганно взглянул на писателя. – Если я вправе так выразиться.

У Дюма была темная кожа, доставшаяся ему в наследство от отца, уроженца Гаити.

– Немного краски еще никому не вредило, – сказал он. – Придумайте что-нибудь, Фрушар. Обмакните кисть в палитру вашего разума, а затем проведите ей по бумаге! Вдохните в героя жизнь!

– Это я и пытаюсь сделать, месье, – сказал наемный писатель. – Но вообразить себе живого человека очень трудно.

– Видите капли дождя на окне? Представьте, что эти капли заполняют все ваши мысли. И в каждой из них таится какая-то идея, а иногда – даже целая история. Фрушар! Внутри вас текут ручьи. В вас запружены реки фантазии. Усадьтесь на берег и закиньте удочку!

Фрушар вновь уставился на оконное стекло. Он сглотнул.

– Злодей должен попасть в тюрьму. Там другие заключенные будут его пытаться, а потом убьют, – наконец произнес наемный писатель.

Дюма похлопал Фрушара по спине.

– Великолепно и действенно. Во всяком случае, если вы хотите меня разорить. – Он взъерошил волосы. – Как насчет такого? Злодей должен попасть в тюрьму. Но страдания там его не погубят. О нет! Он станет еще сильнее и превратится в самого страшного злодея. Попадая в ад, дьявол чувствует себя как дома. Не так ли, Фрушар? – Не дождавшись ответа, Дюма продолжил: – В тюрьме наш злодей обогатится и станет еще могущественнее. Только на сей раз случится это не за счет невинных граждан, а к несчастью других заключенных.

– Но как же так устроить? – тихо спросил Фрушар.

– Чего бы вам больше всего не хватало в тюрьме? – спросил Дюма.

– Мне бы... ну, если бы мне довелось там оказаться, мне бы.

– Вы мужчина, Фрушар. Вам бы хотелось иметь метрессу⁸. Ночи в тюрьме холодны и скучны. Посему наш злодей подкупает надзирателей.

– Как же он достал деньги?

– Зачем нужны деньги, если есть идеи? Идеи, Фрушар! Метресса приходит к нему, а он за плату делится ею с товарищами по несчастью. Этими деньгами наш злодей подкупает караульных и становится настолько богатым, что превращается в короля тюрьмы. Разумеется, своим товаром он лакомится и сам.

– Какая мерзость! – застонал писатель.

– Вы так полагаете? Тогда это именно то, что нам нужно.

На лестнице послышались шаги. Появился швейцар. В сливовой ливрее его было едва видно на фоне обоев.

– В чем дело, Моке?

---

⁸ Метресса (*фр.* maitresse, от maitre – «господин») – любовница.

– К вам посетитель, месье, – сказал швейцар.

В шато Монте-Кристо бывало два вида гостей. Одних приглашал сам хозяин: с такими он чинно пировал днем, а по ночам устраивал кутежи. Другие же приходили сами и требовали чего-то, что Дюма был не готов или не мог предоставить.

– Я же объяснял тебе, что делать с нарушителями спокойствия, Моке.

Швейцар поклонился.

– Несомненно, месье. Но на сей раз господу из банка привели собаку. Наш Наполеон от испуга облегчился у всех на глазах, а потом убежал в будку.

Дюма зашагал по комнате. В дверях он опять повернулся к наемным писателям.

– Это не повод отложить перья в сторону. Сегодня вечером статьи должны быть в типографии. Журнал «Мушкетер» выйдет в срок и в полном виде. Пишите, господа, пишите!

Александр Дюма велел швейцару проводить незваных гостей в белый салон. Сам он, быстро войдя в комнату через боковую дверь, удобно устроился на кресле с высокой спинкой и обивкой из красной кожи. Предмет мебели напоминал трон. Дюма часто бывал в Лувре, где на картинах изучал, как короли французской истории сидели на роскошных креслах. Когда приходили банкиры, писатель принимал непринужденную позу Людовика XVIII. Для этого он клал левую руку на подлокотник, а правой опирался на трость.

У одной из стен комнаты стоял бюст хозяина дома из пентелийского мрамора. Фигура была в два раза больше своего владельца и таинственно глядела на потолок, где люстра сияла кристальным светом, отбрасывая сверкающие искры на полированный камень. Дюма нравилась эта композиция. Порой ему казалось, что его каменная копия вот-вот посмотрит на него и с ним заговорит.

Со входа доносились громкие голоса, сопровождаемые собачьим лаем и клецаньем когтей по каменной плитке.

– Только не собака, месье, – кричал Моке. – Только не в шато!

В белый салон вела двустворчатая дверь. Она была сверху донизу усеяна маленькими стеклянными окошками. Сейчас за ней появились двое мужчин в темном. Сквозь стекла их фигуры казались разделенными на квадраты. Дюма усмехнулся: дверь напомнила ему головоломку, в которой нужно передвигать фрагменты, чтобы получить цельную картину. Было бы забавно переставить кусочек с головой одного мужчины так, чтобы он оказался в промежуток другого. Дюма все еще раздумывал над заманчивыми вариациями, когда посетители самовольно открыли дверь и вошли.

– Месье Галлуа. Месье Одье.

Дюма знал гостей и кивнул им в знак приветствия, но не встал.

– Дюма, – сказал тот, что звался Одье. Его прическа парой голубиных крыльев обнимала его голову. – Наше терпение на исходе. Платите! Или мы засадим вас в тюрьму.

Между ног кредиторов протиснулась собака. Черная и короткошерстная, по колено хозяевам, она не переставала скалиться. Одье держал ее на коротком поводке.

Дюма подозвал мужчин поближе и предложил им расположиться на стульях за белым круглым столом, занимавшим середину комнаты. Мужчины не садились. Но это лишь пока.

– Сколько еще я вам должен? – спросил Дюма.

– Ровно триста сорок тысяч франков. И это с процентами, – последовал ответ Галлуа.

– И ради такой суммы вы специально приехали из Парижа, – отметил Дюма. – Раз у работников вашего банка хватает времени на такие пустяки, дела у учреждения явно идут лучше некуда. Я не вижу ни единой причины поддерживать вас своими деньгами.

– Это наши деньги, Дюма, – Одье повысил голос. Собака со злобным рычанием потянулась к хозяину дома. – И это совсем не мелочь. Свечнику у меня на улице пришлось бы работать всю жизнь, чтобы заработать хотя бы сто тысяч франков.

– И сколько свечей получилось бы в итоге? Возможно, он смог бы осветить ими на одну ночь весь Париж. Ежели нет, выходит, такое под силу только писателям. Передайте бедняге от меня привет, – ответил Дюма. – Я закажу у него четыреста сальных свечей. Мое шато должно сиять столь же ярко, как и мои мысли.

– Полно разговоров! – рявкнул Галлуа по-собачьи. – Деньги, Дюма! Или я вызываю жандармов.

Хозяин дома поднялся и направился к посетителям. Банковские служащие едва ли доставали Дюма до плеч. Опустившись на колени, писатель посмотрел собаке в глаза. Рычание превратилось в клекотание, а затем полностью смолкло. Дюма потрепал животное за ушами. В благодарность собака лизнула его подбородок.

– Спустите бедолагу с поводка, – сказал Дюма. – За что вы его так мучите? Ему так же скверно, как и несчастному писателю, которому вы пришли докучать.

Зазвенел дверной колокольчик. В комнате снова появился Моке.

– Месье Дюма, к вам посетительница. Мадам Прунель. Она пришла с сыном и говорит, что ей очень нужна ваша поддержка. Дама ждет в желтом салоне.

Моке, славный малый! Как вовремя! Ему всегда приходят в голову отличные идеи.

– Господа, – обратился Дюма к банкирам, – на этом мы вынуждены прекратить нашу беседу. Заставлять ждать даму в беде недопустимо. *Au revoir*⁹. Напоследок совет: дайте вашей собаке – и мне тоже – поводок подлиннее.

Дюма скрылся из комнаты; полы сюртука развевались. Одье крикнул вдогонку, что дождется его, но на эту угрозу писатель не ответил. Терпение кредиторов было столь же недолговечно, как и денежные запасы транжир. Одье и Галлуа надоест ждать, и в конечном счете они сдадутся и уйдут. *Enfin!*, господа, скука. Вот оно – оружие писателя.

– Браво, Моке! – Дюма похлопал швейцара по плечу.

Хозяин дома заметил, что ливрея слуги уже изрядно износилась. Моке заслужил одежду получше. Завтра же Дюма закажет для этого доброго малого нарядную форму у самого дорогого портного Парижа.

– Месье? – спросил швейцар недоумевая.

– Отличная идея, Моке. – Дюма рассмеялся и ударил себя кулаком по ладони. Его пышные волосы развевались. – «Мадам Прунель ждет вас в желтом салоне». Лучше и не придумаешь.

– Но это правда, месье, – тихо сказал Моке. – Она пришла с сыном Анри и очень рассержена.

Дюма поднял глаза к небу.

– Моке, про новую ливрею можете забыть!

Он бросился в желтый салон, оставив швейцара в растерянности разглядывать свою форму.

---

⁹ *Au revoir* (фр.) – до свидания.

Глава 3. К западу от Парижа, шато Монте-Кристо, декабрь 1851 года

Марианн Прунель отличалась крепкой челюстью и настороженным, недоверчивым выражением лица. Дюма обнял ее за плечи, укрытые дешевым платком, и поцеловал в неподвижные губы. Наклонившись к мальчику, он пожал его вялую руку.

– Как же я рад вас видеть! – начал он. Но слова его были так же пусты, как и его сердце. – Надо же, малыш Анри уже научился ходить.

Марианн смерила его долгим, внимательным взглядом.

– Если бы вы сдержали обещание и отправляли ему деньги, он мог бы уже читать. Например, романы, на которых его отец зарабатывает миллионы.

А ведь прежде эти увядшие уста казались ему привлекательными! Судя по росту, ребенку уже шесть. Раньше Марианн была красавицей. Ах, лишь время придает цветам Парижа поэзию!

Это надо записать! Порывшись в кармане сюртука, он достал листок бумаги и карандаш и сделал пометку.

Марианн вырвала записку у него из рук. Упавший карандаш застучал по плитке.

– Нам нужны деньги, а не громкие слова. Деньги! Сколько миллионов франков вы потратили на это шато, пока ваш сын изо дня в день хлебал жидкий капустный суп?

– Марианн! – попытался он ее успокоить. – Малыша Анри и вправду жаль, но ведь я не его отец.

– Мне лучше знать. И я собираюсь поведать миру все секреты, которые ты шептал мне на ухо в перерывах между поцелуями.

– *Mon dieu!*¹⁰ И какие же это секреты?

Дюма чувствовал, что начинает терять самообладание.

– Например, что «*Графа Монте-Кристо*» сочинил ваш наемный писатель Огюст Маке.

– Это не смешнее праздничного церемониала для Мольера во Французском театре. Но все-таки столь же нелепо!

Дюма отмахнулся от обвинения. Он что, и впрямь рассказал об этом Марианн? Да, так и есть: Маке хорошо разбирался в истории и помогал ему в написании романа. Но задумка полностью принадлежала Дюма. Это он создал Эдмона Дантеса, отличавшегося жаждой мести и умением ловко уничтожать врагов. Все это сочинил Дюма, единственный и неповторимый. Маке! Александр вспомнил, что его бывший писатель тоже требовал от него денег, доли от прибыли. Но эти деньги Дюма уже давно успел прожить.

– Месье? Вы вообще меня слушаете?

Прунель вытащила из-под поношенной накидки листок бумаги и протянула ему.

Дюма отпрянул. К бумагам, написанным не им самим, он относился как дьявол к Библии.

– Что это? – спросил писатель.

Ответ он знал и так.

– Подпишите! Вы признаете Анри своим сыном, а я унесу все секреты с собой в могилу. Которая, надо надеяться, уже вырыта.

Анри вырвал листок из рук матери и встал перед Дюма, протянув ему бумагу.

– Отец! – сказал малыш. – Прощу вас!

Неужели из-за умоляющего мальчишки у него к глазам подступили слезы? Почему он так чувствителен? Его отец умер, когда Александру было всего четыре. Его вырастили мамины любовники. Они научили мальчика совершать смелые поступки, завоевывать сердца женщин

---

¹⁰ *Mon dieu (фр.)* – боже мой.

и кошельки богачей. Но никто не рассказал ему, как сохранить твердость при виде больших детских глаз.

Дюма взял письмо из рук Анри. Мальчик поднял карандаш и протянул его предполагаемому отцу. Дюма хотел было взять бумагу, но тут глаза Анри сузились. Он посмотрел на одно из высоких окон.

– Кто-то приехал, – сказал мальчик.

Дюма повернулся. По гравийной дорожке к шато подкатила карета. Она остановилась перед входом, рядом с повозкой банкиров. Скрипа колес и сбруи не было слышно из-за двойных окон, поглощавших все звуки. Александр велел установить их на всех зданиях, чтобы ничто не мешало творить. Писателю нужно слышать собственные мысли, и поэтому тишина – превыше всего.

Втроем они наблюдали, как из кареты вышли три господина в изящных пальто. Надев цилиндры, мужчины помогли кучеру поднять что-то с кузова. Похоже, это был какой-то предмет мебели вроде большого кресла. Дюма не припоминал, чтобы заказывал что-либо подобное у своих столяров в Париже. Только тогда писатель заметил, что у кресла были колеса. На мгновение он подумал, что кредиторы решили переломать ему ноги, а после, беспомощного, приковать к этому орудию пыток. Потом они заташат его в карцер и бросят во тьме навеки. Несомненно, мысль была нелепа. Но эту идею можно воплотить в одном из многих романов, которые еще предстояло написать.

Для чего же трое незнакомцев привезли ему инвалидное кресло?

В этот миг кучер поднял из одноконной упряжки четвертого человека – женщину лет тридцати. Она была достойна восхищения, отличалась стройной фигурой и кожей цвета слоновой кости, во всяком случае, судя по тому, чего не скрывала накидка. Пряди темных волос выглядывали из-под чепца с рюшами, а серо-голубые глаза пытливо осматривали фасад шато, пока кучер усаживал ее в инвалидное кресло. Ловко набросив ей на ноги одеяло, он повез кресло к входу. Люди в цилиндрах последовали за ними.

Дюма почувствовал, как по рукам побежали мурашки. Ему уже приходилось видеть в Париже парализованных ветеранов, даже без ног. Одни бегали на руках. Другие катались по брусчатке в самодельных тележках. Обитые кожей инвалидные коляски были по карману только богачам, а они были либо старыми, либо уродливыми – а иногда и все вместе. Видеть прелестную молодую женщину в таком состоянии – удивительно и горько одновременно. Что за философ говорил, что природа обладает чувством красоты и справедливости? Такое мог сказать лишь глупец.

– Это твоя новая метресса? – завопила Прунель. – Я доложу ей все про Александра Дюма и посоветую поскорее покинуть эту усадьбу.

Кем бы ни была его посетительница, Дюма непременно нужно разузнать о ней и ее трагической судьбе. У него зачесался нос, что случалось всякий раз, когда у него в голове скапливалось слишком много идей для историй и они так и просились наружу. Сейчас ему бы не помешала понюшка табака.

– Марианн, – сказал он, – ко мне приехали гости, и мне надо о них позаботиться. Почему бы нам не отложить нашу беседу до следующей недели? У меня найдется минутка в среду, и тогда я могу приехать в город.

– Мы подождем здесь, – перебила его женщина. – Или ваша гостья останется на ночь?

Дюма промолчал и вызвал камердинера. Ипполит появился в дверях одновременно с Моке. Швейцар известил о прибытии новых гостей. Дюма повелел Ипполиту принести Марианн и Анри еды и графин вина, а затем вышел из комнаты.

Он еще не раз пожалеет, что принял у себя эту даму в инвалидном кресле.

В зеленом салоне Александр поприветствовал небольшую компанию. Трое мужчин расположились вокруг стола из полированного розового дерева и держали цилиндры у животов.

Дама в инвалидном кресле сидела в середине комнаты. Под накидкой, которую она уже сняла, было темно-красное платье с воланами. Ее наряд прекрасно сочетался со светло-зелеными шторами. Александру стало досадно, что он не художник.

– Добро пожаловать в шато Монте-Кристо! Меня зовут Александр Дюма, я хозяин дома. Что привело вас ко мне? – Писатель потянулся к отделанной золотом коробке из черепахового панциря, наполненной шоколадными конфетами, и предложил их гостям.

Угощение никого не заинтересовало. Ему казалось, что с одним из мужчин он уже виделся. Он точно как-то связан с книгами. То ли издатель, желающий заполучить права на его следующую работу, то ли представитель библиотек, которые частенько закупали у него много книг. Александр сам потянулся к коробке с конфетами и засунул в рот инжир в шоколадной глазури.

– Месье, благодарю, что приняли нас. Это очень любезно с вашей стороны, – сказал самый низкий из гостей. – Это графиня Дорн, позвольте также представить вам месье Патаяя и месье Блонде. Меня зовут Болар. Мы из цензурного ведомства.

Дюма чуть не подавился. Конфета вдруг показалась ему огромной. Что за день, будь он проклят! Надо было сразу догадаться, что сегодня дела не заладятся: с самого утра его мучила зубная боль.

– Несомненно, вы приехали сюда, чтобы извиниться за беспокойство, которое уже мне причинили. Ежели причина в ином, вынужден попросить вас немедленно покинуть мою усадьбу.

Он с сожалением взглянул на барышню. Та удивленно разглядывала его большими глазами из-за стекол очков. Видимо, ей еще не доводилось видеть вблизи знаменитых писателей.

– Мы прибыли по настоятельной просьбе графини Дорн, – прервал мысли Александра цензор. – Она убедила нас, что вашу газету «Мушкетер» необходимо проверить. По долгу службы...

– Какой еще службы? – не выдержал Дюма. – Вы же принадлежите к числу граждан, протестовавших против цензуры еще при Карле X! И теперь, несколько лет спустя, сами получаете удовольствие, подавляя духовное величие?

У него перед глазами черты цензоров размылись: теперь они превратились в банкиров, сидевших в белом салоне. Нужно положить конец этому мираклю¹¹.

– ... мы имеем право ознакомиться со статьями из вашей «фабрики романов». Обычно это делается в типографии, однако в «Дюпене» нам сообщили, что задерживаются с выпуском текстов. Поэтому мы пришли лично к вам.

– Да как вы смеете со мной так разговаривать? – Александр почувствовал, как ему в шею вонзилось воображаемое острие шпаги. – Я автор «Трех мушкетеров», создатель «Графа Монте-Кристо». Меня любят все французы. Я доверенное лицо горничных, поэт поварих, предьявитель любовных писем солдатам и советник портье по правовым вопросам. Я сердце Парижа!

– А ваши герои – просто водоносы влаги вашей души, – сказала графиня. В ее французском слышались нотки немецкого или датского акцента. – И про них незачем читать порядочным женщинам и невинным детям.

Александра поразила твердость и сообразительность обвиняющей его графини. Он ожидал услышать в ее голосе отчаяние, увидеть женщину, которая ввиду своего плачевного положения нуждается в его помощи.

– Мадам! – начал Дюма.

Однако писатель не нашелся, как ответить на обвинения. Не мог же он спорить с этой сломленной женщиной!

---

¹¹ Миракль – средневековый драматургический жанр, религиозно назидательная стихотворная драма, действие о чуде.

Вместо этого Александр обратился к цензорам:

– Я не стыжусь своих текстов. Вперед, господа, несите угли для пыток. Допрашивайте меня. Я буду бороться за каждое слово!

Цензор, которого звали Блонде, потребовал предоставить ему статьи для завтрашнего номера «Мушкетера». Дюма почувствовал, как в нем поднимается боевой задор, с которым он мог бы выиграть бой на копьях. Но чему его научили мушкетеры из его романов? От грубой силы не будет никакого толку, если клинком управляет не идея. А идей у него всегда хватало.

Он позвонил в колокольчик. Появился камердинер.

– Отведите гостей в белый салон, Ипполит. Подайте им фалернское вино. Я схожу за статьями и вскоре присоединюсь к вам.

Он взял из коробки еще одну конфету.

– Эти люди хотят меня погубить, Марианн! – Дюма расхаживал по желтому салону. – Вы должны мне помочь. Если цензоры запретят мою газету, я больше не смогу зарабатывать деньги. Тогда о признании отцовства для Анри можно позабыть.

Он опустился на колени перед мальчишкой и прижал его к себе. Ребенок положил руки на могучие плечи и потерся теплыми волосами об щеку Александра.

На мгновение ему захотелось, чтобы мальчик и в самом деле был его сыном. Но дети похожи на кошек: умиляют, пока маленькие. Вырастая же, они показывают когти и приводят к затратам и хлопотам.

– Вы поможете мне, Марианн?

– Сперва подпишите! – потребовала Прунель. – Тогда, клянусь вам, я собственными руками прачки задушу всех стервятников, которые захотят наброситься на наследство моего сына.

Глава 4. К западу от Парижа, шато Монте-Кристо, декабрь 1851 года

Дюма неся вниз по лестнице. Под мышкой он сжимал статьи. За ним с грохотом спускались по ступенькам наемные писатели.

– Скорее, господа. Нужно отстоять наши произведения и доходы.

Громкие голоса, доносившиеся из белого салона, были слышны уже в передней. Когда Дюма открыл застекленную дверь, на мгновение шум стал таким оглушительным, что ему показалось, будто комнату заполонила орда матросов.

– Человек, которому вы дали взаймы – банкрот и кокотка¹² общества, – с волнением объяснял кредиторам один из цензоров.

– Если вы отберете у него работу, он никогда не сможет погасить долг, – ответил Одье.

Он и Галлуа стояли в другом конце комнаты. Поверх их голов за происходящим наблюдал большой мраморный бюст.

Драма уже началась. В жизни все было как в романе: стоит только подобрать персонажей, как история возникает сама собой.

Тут все заметили Дюма и мужчин, толпившихся позади него.

– Это те самые статьи? – спросил Блонде и потянулся за стопкой.

Дюма положил на нее покрытую темными волосами руку.

– Сперва объясните моим помощникам, как им прокормить семьи, если их работа будет уничтожена.

– Мы спасаем души их семей, защищая их жен и детей от этого вздора, – сказал один из цензоров.

– Оставьте свои нравоучения себе! – воскликнул один из наемных работников.

– Нам нужны деньги, – вмешался другой. Дюма узнал голос Фрушара.

– Замолчите, расточители чернил! – возмутился Блонде. – А не то вы все отправитесь в тюрьму.

Собака залаяла и показала клыки. У нее из пасти капнула слюна, оставив темное пятно на дорогом ковре.

Теперь к разговору присоединилась дама в инвалидном кресле. Спокойным голосом она сказала:

– Речь не о счастье отдельных людей, а о здоровье общества. Месье Дюма, вы делаете читателей жертвами вашей прихоти. Если бы вы соблюдали приличия, все были бы богаче.

Голоса слились в единый гул. Банкиры одновременно отвечали на слова графини. Цензоры убеждали банкиров. Блонде громко требовал статьи. Наемные писатели скандировали лозунги с призывами восстановить монархию.

В это мгновение в комнату пробралась Марианн Прунель, притащив с собой Анри. Она замахала злополучным документом и крикнула голосом, заставившим всех в помещении замолчать:

– Этот мальчик – сын этого человека. Если вы лишите его доходов, ребенок будет голодать и останется без школьного образования. Вы хотите, чтобы это было на вашей совести?

Дюма двинулся к двери.

– Его сын? – спросил Блонде. – Но ведь он совсем не похож на *negre*¹³.

Александр содрогнулся. Как же неприятно это слышать!

---

¹² Кокотка – женщина легкого поведения, живущая на содержании своих любовников.

¹³ *Negre (фр.)* – негр. Подробнее автор объясняет использование этого понятия в романе в послесловии.

Он уже добрался до прихожей, но после этих слов ему захотелось броситься обратно в салон и швырнуть этого исполнителя приказов напрямик в болото. Однако он продолжил путь. Его надежно скрывали спины наемных писателей. Придержав колокольчик, Александр открыл дверь и выскользнул в сад. Задвижка тихо щелкнула – Дюма запер столпотворение внутри шато.

Получилось! Теперь его цель – типография в Париже. По дороге к вокзалу его волнение уляжется. Блонде прав. Будь Анри его сыном, была бы у него кожа цвета молока? Александр улыбнулся. Он мог бы оспорить отцовство.

Писатель сделал всего несколько шагов, когда из зелени парка к нему приблизился пароконный экипаж. Неужели это никогда не прекратится? Его шато превратилось в какую-то ярмарку. Дюма бы с радостью переселился в берлогу, куда-нибудь без адреса, цензуры и долгов. Там он жил бы отшельником и писал, писал, писал. Ему будет не хватать разве только хорошего вина. И красивых женщин. Деликатесов французской кухни. Горячих ванн. Пирушек с друзьями.

Он вздохнул.

Экипаж остановился. На козлах сидела маленькая сгорбившаяся фигура в черной накидке, напоминающая гнилой гриб. Дюма медленно подошел ближе. Из-под влажно блестящей шляпы с широкими полями на него глядело лицо, похожее на грецкий орех. Скучающие, враждебные глаза посмотрели на него. Это был не кучер. На козлах сидела старуха.

– Это ты Дюма? – скрипучим пронзительным голосом спросила фигура.

Александр кивнул.

Старуха постучала дряблым кулаком по крыше кабины. Дверца кареты медленно открывалась, но из нее никто не вышел.

Такой балаган мог прийти в голову лишь одному из его друзей-театралов. За этим точно стоял Антуан Фортье, который при встрече любил набрасывать скатерть на плечи и изображать Юлия Цезаря. Надо признать: сцена с каретой впечатляла. При виде старухи на козлах и открытой дверцы волосы у Александра на руках встали дыбом. Но сегодня на такие шарады у него не было времени. В любой миг свора в шато могла обнаружить, что дичь бросилась бежать.

– У меня нет времени на маскарады! – крикнул он и пошел мимо кареты, заглянув внутрь.

В просторном кузове сидел лишь один мужчина. Разглядеть его не получалось: было слишком темно.

– Фортье? – спросил Александр.

– Садитесь, месье Дюма, – сказал голос, звучавший так мягко, будто слова покоились на ложе из мха.

Фигура в полумраке явно была не Фортье. В нос Александру прокрался запах пихтовой смолы и бергамота.

– Кто вы? – спросил он.

Если это не шутка его друзей, значит, это очередной кредитор или обманутый супруг. В темноте сверкнет шпага, лошади пустятся рысью, а на следующее утро тело Дюма выловят из Сены.

Со стороны шато послышался звонок в дверь. На дорожке заскрипел гравий. Кто-то выкрикнул имя писателя.

Александр забрался в карету и опустился на мягкую скамью. Скрипнули пружины.

Незнакомец закрыл дверцу. Постепенно глаза Александра привыкли к полумраку. Перед ним сидел мужчина лет пятидесяти: гладко выбритый, с необычайно большим носом и приветливо сверкающими глазами. Его густые, зачесанные назад волосы были белыми как бумага. Этого человека Дюма никогда не видел.

– Меня зовут Этьен Леметр. – Незнакомец достал визитную карточку, но Александр не смог прочесть ее в темноте. – Я знал вашего отца.

Всегда, когда кто-то упоминал генерала Тома-Александра Дюма, писателя охватывала беспросветная тоска. Как этот мужчина мог знать отца? Тот умер в 1806 году. Казалось, в то время Леметр был младенцем.

Мужчина, похоже, угадал мысли Александра.

– Я выгляжу моложе своего возраста, – сказал он. – Когда я познакомился с вашим отцом, я был юнгой. Мы путешествовали по Египту вместе с Наполеоном.

Египетская экспедиция! Александру так хотелось узнать хоть что-то о приключениях отца у пирамид.

– К сожалению, он не успел мне об этом рассказать, – сказал Александр.

– Это можно исправить, ведь кое-что мы пережили вместе. Пусть он был генералом, а я всего лишь юнгой, – продолжил Леметр. – Но об этом в другой раз.

Он выглянул из окна кареты. Зимний свет скользнул по его щекам. Кожа казалась мертвенно-бледной. Дюма понял, что Леметр густо напудрен.

– Я приехал предложить вам сделку. Но, как вижу, вашего внимания требуют и другие.

– Дюма! – крикнул кто-то из шато. – Куда он делся? – Голос принадлежал Одье.

– Посмотрите вон в том павильоне, – приказала женщина. Это была Прунель. – Он всегда пишет там.

Александр забился в угол кареты, чтобы его не увидели снаружи.

– Что за сделка? Ну же, быстрее!

Леметр откинулся на спинку. Что-то треснуло.

– Я ищу кое-что, что ваш месье отец привез из Египта. Если эта вещь у вас, я готов заплатить за нее целое состояние.

– Сколько? – спросил Александр.

Голоса в парке приближались.

– Один миллион франков.

Александр напряг мышцы лица, стараясь скрыть удивление. В лучшие времена издатели газет платили ему по сто тысяч франков за роман. Но лучшие времена давно прошли. Миллион!

Он откашлялся.

– Что вы за это хотите?

– У вашего отца было три амулета. Он нашел их в Египте. – Леметр наклонился вперед. Сладковато-пряный запах разом прокрался во все уголки кареты. – Мне нужны эти артефакты.

У Александра чуть не закружилась голова. Что за парфюм! Он вытащил из кармана жилета табакерку «Доппельмопс». На крышке голландского нюхательного табака были отчеканены две собаки с приплюснутыми носами. Открыть баночку писатель не успел: ему на руку легла сухая ладонь.

– Эти амулеты у вас, месье Дюма?

– Отец многое мне оставил, – сказал Александр. Сквозь мрачную завесу печали он увидел перед собой четыре матросских сундука. – Он объездил полмира и отовсюду привез что-то на память.

– Так вспоминайте, месье Дюма!

– Резьба по эбеновому дереву. Плюмажи¹⁴. Большинство со временем съели мыши.

– Три амулета. Вы их видели?

Глаза Леметра вдруг оказались совсем близко. Под ними виднелись синие круги. А какими они были огромными! Теперь запах полностью окутал Александра. Постепенно он проникся к незнакомцу симпатией. Дюма втянул воздух через нос, приоткрыв рот, будто собираясь отведать хорошего вина.

---

¹⁴ Плюмаж – украшение из перьев на головных уборах.

– Три одинаковых диска на цепочках. Шести или восьмиугольные, я уже точно не помню. Размером с карманные часы. – Вдруг Дюма увидел их словно прямо перед собой. – Из позеленевшего металла. Наверное, бронзы. На них выгравированы знаки.

В мыслях пальцы писателя скользили по поверхности, очищая амулеты от налета времени.

– Да! Да!

Рука Леметра сжала ладонь Александра.

– Где они?

Дюма стал вспоминать. Это случилось здесь, в парке, четыре года назад. Вместе с архитектором Дюраном он обходил участок, где ныне располагалось шато, и диктовал строителю пожелания относительно замка. Сперва Дюран слушал его молча, но список все не заканчивался, и архитектор осмелился возразить: «Месье Дюма! Все это обойдется вам очень дорого!» На это Александр сказал: «Очень надеюсь». Он до сих пор гордился этим ответом. Однако Дюран был прав. Строительство замка поглотило состояние Александра. Ему пришлось просить кредит у Одье. Он получил его, но денег все равно не хватало. Дюма хотел пригласить персидских художников, чтобы они отделали арабский салон мозаикой и восточной лепниной, и на это нужна была сумма, которая озадачила бы даже короля. Но человек по имени Александр Дюма был заклятым врагом аскетизма. Поэтому ему в голову пришла идея продать некоторые вещи, оставшиеся от отца, пока те не развалились. Хранитель египетской коллекции в Лувре придерживался того же мнения.

– Я знаю, где они, – сказал писатель Леметру. – Но мне нужны гарантии.

Леметр отпустил руку Александра, но кожа в том месте теперь зудела.

– Не могли бы вы, пожалуйста, на минутку пошире расставить ноги? – попросил он Александра.

Любого другого человека Дюма бы вызвал на дуэль за подобную дерзость. Однако Леметру он повиновался, удивившись сам себе.

Незнакомец полез под сиденье Дюма и вытащил оттуда сумку из серой кожи. Водрузив ее ему на колени, он достал три пачки банкнот.

– Здесь триста тысяч франков, – сказал Леметр. – Берите! Остальное получите, когда принесете мне амулеты.

Александр взял нюхательный табак. Деньги обладали для него непреодолимой притягательной силой. Но что-то его удерживало – все это казалось ему непорядочным.

– Амулеты ведь у вас? – спросил Леметр.

Это почти соответствовало истине. Александр кивнул.

– Тогда берите. – Леметр протянул ему пачки денег. – Приходите завтра по адресу на моей карточке. Там вы получите оставшиеся семьсот тысяч франков. Мадам Менье за вами заедет.

Видимо, это та старуха на козлах. Александр задумался. Сначала ему придется выкупить диски из Лувра. Там за все три амулета ему дали десять тысяч франков. Теперь он предложит музею в обмен на диски двадцать тысяч. Хранитель на это согласится, и тогда писатель поедет напрямик на улицу Ришелье к этому безумцу, отдававшему целое состояние за три куска металлолома.

Дюма взял деньги. Пачки казались удивительно легкими. Но в этом и заключалась странность богатства: оно делало невесомым, но давило к земле, стоило лишь с ним расстаться.

Александр сунул купюры под жилет.

– Ваша карета мне не нужна. Завтра мне надо разобраться с делами в Париже, а после я заеду к вам.

– Как пожелаете.

Леметр улыбнулся. Кожа у него под глазами собралась складками. Когда улыбка погасла, морщинки медленно разгладились.

По гравийной дорожке к экипажу приближались шаги. Через окно в повозку заглянуло чье-то лицо. Это был Блонде.

– Он здесь! – закричал цензор. – Он прятался в карете.

Лицо исчезло.

– Дорогой Дюма! Похоже, вас ждут другие дела, – сказал Леметр и выглянул на улицу со своей стороны. – Может, мне взять вас с собой в Париж?

Александр улыбнулся. К нему вернулась уверенность в себе. Люди, ждавшие его за пределами кареты, ему не угрожали: это всего лишь сборище слуг и глупцов. Полчаса назад ему пришлось бы убегать от преследователей. Но теперь он был готов встретить их нахальство во всеоружии.

– Спасибо, но я пойду и разделаюсь с этим сбродом, – сказал писатель Леметру.

Открыв дверцу, он с величием десяти королей-солнце предстал перед войском противников.

Анна старалась не моргать. Глаза ее были широко раскрыты. Она боялась, что представшая перед ней картина исчезнет, стоит ее векам хоть раз сомкнуться. Вот бы мир замер! В окне кареты перед шато Монте-Кристо появилось лицо, преследовавшее ее во сне каждую ночь вот уже десять лет, лицо человека, которого Анна собственноручно отправила в ад одним выстрелом пистолета. Во всяком случае, так она считала. Но теперь врата в ад распахнулись и выпустили демона обратно в мир. Этьен Леметр был жив – и он сидел здесь, в десяти шагах от нее.

Это действительно был он! Анна не сомневалась. Его лицо ей не забыть никогда. Глаза непонятного цвета. Ровные зубы, разделенные узкими щелями и из-за этого похожие на небрежно построенный частокол. Густые зачесанные назад волосы, из которых никогда не выбивалась ни одна прядь. А самое главное – запах пихтовой смолы и бергамота.

С тех пор прошло десять лет. Тогда этот изверг погубил семью Анны и лишил ее ног. Она помнила все до мельчайших подробностей; картины этого рокового дня и сейчас стояли у нее перед глазами. Ей даже казалось, что она чувствует холодную рукоять оружия в ладони.

Глава 5. Десять лет назад, у подножия крепости Дорн на Рейне, октябрь 1841 года

Терцероль¹⁵ в руке Анны дрожал. Капли дождя стекали по оружию.

– Стреляйте! – призвал ее Леметр. Голос его звучал приглушенно. – Иначе порох намокнет, и вам придется убивать меня кинжалом.

Анна подошла ближе к карете и прищурилась. Сквозь открытое окно она смутно различила внутри фигуру француза.

Капли дождя стекали по очкам Анны, размывая цель у нее перед глазами. Она потянула дверцу кареты. Ручка не поворачивалась. Тогда графиня ее потрясла.

– Открывайте и выходите! – крикнула Анна.

У нее с губ брызнула вода. Внутри повозки что-то шевельнулось. Ручка у нее в руке медленно повернулась. Дверца открылась. Анна отшатнулась.

– Не лучше ли вам войти? – спросил голос. – Я предпочел бы умереть сухим.

Из кареты струился сильный запах туалетной воды для бритья. Пихтовая смола и бергамот – Анна знала этот эликсир. Впервые она вдохнула его, стоя перед старым патрицианским домом¹⁶ в Баден-Бадене. Графиня позвонила, дверь распахнулась, и из темной прихожей к ней обратился сладкий голос: «Отчего вы стоите под дождем? Входите!»

– Я не сдвинусь с места, – услышала Анна свой голос. – Потому что я предпочла бы, чтобы вы испустили дух в луже.

Когда она представила, как кровь француза растекается в солоноватой воде, ей стало жутко.

Анна огляделась в поисках спасения. Если бы Тристан стоял сейчас рядом с ней, один взгляд его серых глаз смог бы смести с пути все невзгоды мира. С Тристаном всегда было так. Но ее супруг остался в крепости. Когда Анна видела его в последний раз, глаза его были пусты. Теперь она могла рассчитывать только на себя. Но у нее был пистолет.

Карета Леметра стояла на краю обрывистой дороги, ведущей от крепости Дорн к Рейну. Повозка Анны – напротив. С помощью отчаянного маневра Иммануэлю удалось остановить коляску Леметра. Теперь верный кучер стоял рядом с лошадьми и успокаивал животных. Смахивая капли дождя с их шерсти, Иммануэль смотрел на Анну. Она знала: стоит ей только кивнуть, и слуга возьмет Леметра на себя. Искушение опустить маленький дульнозарядный пистолет и позволить сильному кучеру расправиться с Леметром самому было велико. Анна сглотнула. Это ее борьба, от этого зависела судьба ее семьи, ее будущее.

– Верните имущество моего мужа. Тогда я вас отпущу, – тихо сказала графиня, но не сомневалась, что Леметр понял бы ее слова, даже если бы она беззвучно пошевелила губами.

– Собственность Дорна принадлежит мне, – донеслось из кареты.

– Потому что вы украли ее у нас, – крикнула Анна.

– Потому что ваш супруг передал ее мне. На документах его почерк, его подпись, его печать. Он подписывал бумаги с улыбкой на лице.

Анна закрыла глаза. Ей было больно об этом вспоминать. В памяти вновь всплыла роковая сцена. Тристан сидел за письменным столом. Леметр лежал на оттоманке напротив: одна нога на полу, другая вытянута на диване.

---

¹⁵ Терцероль – маленький дульнозарядный пистолет, обычно служивший для отпугивания птиц от садов и виноградников или же для охоты.

¹⁶ Патриций – в Средние века в Германии лицо, принадлежавшее к зажиточным бюргерским родам, игравшим первенствующую роль в самоуправлении.

Когда Анна вошла, ее муж как раз обмакивал перо в чернильницу и подписывал какой-то документ. Она не знала, что это за бумаги, но сразу поняла: что-то не так. Тристан всегда вытирал перо о край чернильницы; сейчас же черные капли бусинками падали на стол. Это пробудило в ней дурное предчувствие. Ее вопроса Тристан не услышал. Мужчина провел пером по бумаге – размашистым движением, с которым обычно подписывал что-то важное. Подняв голову, супруг посмотрел на нее мутным взглядом и холодно улыбнулся.

Анна нажала указательным пальцем на спусковой крючок пистолета.

Кремнёвый замок¹⁷ щелкнул.

– Оружие из прошлого века, – сказал Леметр. – Не очень эффективно. Но отлично годится, чтобы доказать, что женщине хватит мужества убить человека.

Леметр наклонился, чтобы заглянуть под дверцу, а затем спустился с подножки коляски. Его темные вьющиеся волосы, гладко зачесанные назад маслом, пронизывали седые пряди. Из-за худобы он напоминал привидение: коричневый костюм был ему велик, ткань хлопала на ветру. Шею закрывал воротник-отцеубийца¹⁸, обтянутый сверху еще и шелковым платком. Несмотря на это, казалось, что голова торчит на копье. Цилиндр, который теперь надел Леметр, только усилил этот эффект. Обувь француза с хлюпаньем погрузилась в грязь. Он на секунду посмотрел вниз на себя, а затем его взгляд встретился с глазами Анны.

Капли дождя на стеклах ее очков, казалось, превратились в линзы, тысячекратно увеличивающие изображение Леметра. Дыхание Анны выровнялось. Она почувствовала, как кровь зажурчала у нее в жилах. По телу разлилось тепло. Пистолет вдруг показался ей бесконечно тяжелым. Графиня опустила оружие.

Рукой в перчатке Леметр погладил Анну по щеке. Его запах наполнил ее ноздри, разум. Аромат Элизиума¹⁹.

– Вы чувствуете это, Анна? – спросил он. – Все как тогда, когда вы пришли ко мне и попросили меня о помощи.

Анна кивнула.

Рука Леметра легла ей на шею. Большой и указательный пальцы мягко на нее надавили. Анна больше не чувствовала ничего, кроме боли от этого прикосновения. Откинув голову назад, она подставила лицо дождю.

– Садитесь в карету, графиня! – Голос Леметра уже не был спокойным. Теперь он звучал как ветер, который осенью треплет двери и ставни, как что-то, стремящееся прорваться внутрь. – Страх, – сказал магнетизёр²⁰, – мощный стимулятор.

Воздух разорвал раскат грома. Анна вздрогнула. Рука у нее на шее исчезла. Леметр оторвал взгляд от нее и посмотрел на что-то позади Анны – на гору и крепость на ней.

Вдалеке послышался грохот. Земля задрожала. Анна обернулась как раз вовремя и успела увидеть конец родового гнезда Дорнов. Замок окутала мутная пелена. Из нее вылетали каменные обломки. В клубах густого дыма словно молнии во время грозы сверкало зарево пожара. Крепость рушилась. Гора стонала.

– Тристан! – крикнула Анна.

– Что наделал этот болван? – вырвалось у Леметра.

– Это все ваших рук дело! – крикнула Анна и подошла к французу вплотную.

---

¹⁷ Кремнёвый замок – устройство для воспламенения порохового заряда в огнестрельном оружии.

¹⁸ Воротник-отцеубийца (также фатермордер) – высокий, туго накрахмаленный воротник с острыми концами, достигающими до подбородка.

¹⁹ Элизиум – то же, что рай.

²⁰ Магнетизёр – то же, что гипнотизёр.

Графиня снова подняла пистолет. Во второй каморе²¹ у нее оставался еще один патрон. Она спустила курок. Но и в этот раз выстрел не прозвучал. Крепость рушилась, заглушая все остальные звуки.

Анна уже подумала, что и вторая пуля застряла в стволе, но тут Леметр схватился обеими руками за лицо, споткнулся о подножку и навзничь упал в карету. Из нее торчали лишь его ноги.

Бросив оружие, Анна развернулась и побежала по скользкой тропинке к замку. Подол ее платья волочился по грязи. Графиня подобрала его, но тут же опустила снова и обеими руками обхватила голову.

– Тристан! – закричала она.

Крепость Дорн грохотала.

На Анну с шумом обрушился град из небольших камней. Откуда-то снизу она услышала ржание лошадей. Что-то ударило ее по голове. Графиня свалилась на землю. Левый глаз ничего не видел. Под правой рукой, на которую она опиралась, Анна почувствовала осколки стекла. Ее очки.

Сильные руки обвили ее тело и подняли ее. Анна смутно различила лицо Иммануэля. Кучер был совсем близко. Он нес ее, а графиня не знала, куда деть руки. Не могла же она положить их на шею кучеру! Но и просто оставить их висеть было бы странно.

– Скорее, Иммануэль, – поторопила его Анна. – Прошу, быстрее!

Верный слуга повиновался как лошадь и понесся рысцой, словно Анна весила не больше женской туфельки. Но бежал он не туда – вниз с горы.

В грязь снова обрушился град камней.

– Тристан! – хотела крикнуть Анна еще раз.

Но из горла вырвался только хриплый шепот. Ее бедро охватило огнем. Ей казалось, она летит. Как ее слуга бежал столь быстро? Они миновали то место, где стояла карета Леметра. Но теперь ее нигде не было видно. Пока Анна гадала, что случилось с магнетизёром, она оказалась у себя в коляске. Обломки камней с грохотом падали на деревянную крышу. Повозка дернулась: лошади тронулись. Но они опять двигались вниз с горы! Ей надо наверх в крепость! Тристану нужна ее помощь. Его пустые глаза!

---

²¹ Камора – полость в казенной части ствола артиллерийского орудия, куда помещается снаряд.

Глава 6. К западу от Парижа, шато Монте-Кристо, декабрь 1851 года

– Нам лучше приехать в другой раз, – сказал Иммануэль.

Ее спутник толкал инвалидное кресло из шато Монте-Кристо. Банкиры, цензоры, авторы и метресса толпились вокруг кареты, из которой только что выглянул Леметр. Молодые писатели пытались оттащить заимодавцев от повозки. Между некоторыми завязалась драка. Тут дверца кареты открылась, и из нее медленно вылез Дюма. Его тотчас обступили со всех сторон. Все говорили наперебой. Дюма улыбался.

– Ты прав, Иммануэль. Здесь не место спорить о литературе. Давай вернемся в Париж. Только подожди минутку.

Анна попыталась заговорить с одним из цензоров.

– Месье Блонде! – крикнула она и помахала ему рукой.

Ей пришлось позвать его еще дважды. Лишь тогда Блонде обратил на нее внимание и подошел к ней. Сюртук криво висел у него на плечах. Двух пуговиц не хватало.

– Мадам! Я вас предупреждал. Этот Дюма безумец. Вы только посмотрите! Писатель бросает людям деньги. Только что он пытался подсунуть мне тысячу франков. Мне удалось ему помешать.

– Вы видели мужчину в карете? – поинтересовалась Анна.

– Разумеется. Кто бы мог подумать, что такой уважаемый гражданин как месье Леметр ведет дела с таким беспутным человеком как Дюма!

Пригладив редкие волосы, Блонде надел цилиндр.

– Значит, вы его знаете?

Анна почувствовала, как от страха ее охватила дрожь. Она вцепилась в ручки инвалидного кресла.

– А вы нет? – спросил Блонде. – Об Этьене Леметре говорит весь Париж. Он магнетизёр. У него на вечерах на улице Ришелье собираются богатейшие граждане Франции. Говорят, он лечит болезни, глядя людям в глаза и сверкая в них молниями. По слухам, Леметр исцеляет даже от безумия. Правда ли это, я не знаю. Но несколько дней назад он якобы принимал самого президента.

– Улица Ришелье, – сказала Анна. – Какой дом?

– Вы его сразу заметите. День и ночь по адресу Леметра стоит толпа и требует, чтобы их впустили.

Она почувствовала тяжесть в груди: дело не терпело отлагательства.

– Если вам не трудно, пожалуйста, позовите других господ. Мне нужно как можно скорее вернуться в город.

Карета прибыла в Париж ближе к вечеру. Анна оперлась о стеганую кожаную обивку и с трудом приподнялась. За левым окном ландо протекала Сена. Река неспешно и величественно пересекала город. Зимнее солнце отбрасывало длинные тени на набережную. Начало моросить. Справа и слева от реки простирались крыши города.

Сняв очки, Анна протерла стекла шелковым платком, который всегда носила с собой. Затем она снова зажала тонкие металлические дужки за ушами. Кончики царапали нежную кожу. Анна трижды зажмурилась, чтобы прояснить взгляд. Она вспомнила, как приехала в Париж, сидела в карете и любовалась незнакомым городом. Неужели с тех пор прошло всего три дня?

Глава 7. Три дня назад, Париж, ноябрь 1851 года

Анна наблюдала, как чуждый *ей* мир проплывал в окне кареты, когда Иммануэль впервые вез ее по французской столице. Дома были построены вплотную друг к другу. Лишь изредка она высматривала зазор, проход или проулок. В то же время здания были высокими, а их крыши – совсем низкими.

Еще в Карлсруэ Анна слышала, что французский император перестроил столицу в огромный дворец. Однако она считала, что свету Карлсруэ просто нравились любопытные истории. Теперь она ехала по просторным бульварам, которые словно возникли из блаженных мечтаний архитектора в романтическом стиле и коврами расстилались перед ней.

По краям великолепных улиц на широких тротуарах прогуливались модно одетые люди. Никому не приходилось отскакивать в сторону, когда мимо проносились дрожки. Никого не обрызгивали, когда колеса катились по нечистотам: на улицах не было даже грязи. Все дороги были вымощены. Булыжники влажно блестели под мелким дождем, шелковым платком накрывавшим город. Капли штриховали окна кареты. В них преломлялся свет газовых ламп, которые зажигали с наступлением сумерек. Как же Анне хотелось остановиться, выйти из кареты, прогуляться сквозь завесу дождя, чтобы познакомиться со всей красотой вокруг!

Неужели это никогда не закончится? Тоска по временам, когда ее ноги что-то чувствовали, когда-нибудь сведет ее с ума. Она откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза и принялась разминать бедра. Под пальто на ней было темно-синее шелковое платье с тремя воланами, нижняя одежда из плотной шерстяной ткани, а под ней – сорочка до колен. Даже под всеми этими слоями пальцы отчетливо ощущали ее ноги. Но кожа и мышцы никак не реагировали. Анна давила на них сильнее. Бывало, она разминала ноги целый час – до тех пор, пока ее разум вновь не принимал, что они больше ничего не чувствуют. Ей больше никогда не погулять по парижским паркам и бульварам. Когда же ее глупая душа наконец это осознает! Прошло целых десять лет – разве этого недостаточно? Анна оставила ноги в покое – только бы на них снова не остались зеленые и синие пятна.

Карета остановилась. За окном появились расплывчатые очертания дома Шмалёров. Дверца кареты распахнулась, и здание приобрело резкие контуры. На фасаде из песчаника дождь нарисовал темные пятна. Побеленные пилястры обрамляли освещенные окна – настолько высокие, что за ними могли бы располагаться бальные залы. Вазы, высеченные из светлого камня, стояли перед зданием словно часовые; по бокам в украшенных горшках росли деревца. Соседние здания держались на почтительном расстоянии от дома торговца сельдью и его семьи. Анна была у цели.

Иммануэль как статуя стоял перед каретой. На нем была накидка, покрытая слоем воска, с которого тысячами жемчужин стекал дождь. Перед кучером ждало инвалидное кресло.

Даже за столько лет Анна не смогла привыкнуть к виду коляски. Колеса со спицами, коричневая грубая кожа обивки и ручки с завитками на концах: казалось, это приспособление придумали, чтобы пытками выбивать признания из заключенных.

Она кивнула Иммануэлю. Тот откинул подножку кресла, расстелил одеяло из грубой зеленой шерсти на обивке сиденья и подошел вплотную к дверце кареты. Как и всегда, поднимая Анну, он надел перчатки из черной кожи. Анна уже перестала возражать. Иммануэль был единственным, кому она доверяла. Она могла бы и потерпеть его голые руки на платье. Но кучер не изменял своим правилам. Тем не менее он позволил Анне заплатить за перчатки.

Иммануэль усадил Анну в кресло. Опустившись перед ней на колени, он поправил ей ноги и ступни. Этого Анна стыдилась больше всего и, сгорая от неловкости, смотрела в ночное небо. Наконец все было готово. Иммануэль сложил концы шерстяного одеяла на коленях Анны. После он начал толкать инвалидное кресло. Колеса заскрипели по гравию.

Они направились к выкрашенной в белый цвет двери с большим латунным кольцом. Им сразу открыли. В проеме появился молодой человек в ливрее; над головой он держал небольшой фонарь.

– *Bonsoir*²², мадам – произнес слуга.

Больше ничего сказать он не успел. Схватив его сзади за плечо, волосатая рука отодвинула его в сторону. В свете лампы появилось мужское лицо; маленькими, широко расставленными глазами оно посмотрело на Анну.

– Добро пожаловать, графиня Дорн! – громко сказал господин. – Добро пожаловать в Париж! Добро пожаловать в наш дом! Я Олаф Шмалёр.

Прижав руки к бокам, он старательно поклонился.

Анна улыбнулась и склонила голову в почтительном приветствии.

– Пожалуйста, не называйте меня графиней. Я отказалась от титула и имени мужа, – сказала она.

– Но отчего же? – вырвалось у Шмалёра.

– Я вернула девичью фамилию, – ответила Анна. – Анна Молль.

– Ну, как вам будет угодно.

В голосе Шмалёра слышалось разочарование. Похоже, купец рассчитывал, что учить его детей будет дворянка.

– Что по-графски роскошно, – нарушила Анна молчание, – так это ваша усадьба. А еще поздняя осень в Париже.

Хозяин провел рукой по жидким рыжеватым волосам, осмотрел ладонь и вытер ее о штанину.

– Прошу прощения, графиня... мадам. Идите за мной в дом. Пардон. Я хочу сказать. прикажите вашему слуге повезти инвалидное кресло. – Он кашлянул. – Семья уже ждет вас.

Анна осведомила нового работодателя о своем недуге и даже приложила к письмам чертеж инвалидной коляски с указанием ее размеров, чтобы он мог предоставить ей подходящую комнату. Однако Шмалёр, похоже, не придавал этому особого значения. Быть может, он вообще забыл об инвалидном кресле. Во всяком случае, семья принимала гостей не на первом, а на втором этаже. Сначала Иммануэлю пришлось нести саму Анну, а потом кресло по сужающейся кверху лестнице. У Анны закружилась голова. Но она все равно не стала держаться за плечи Иммануэля, как делала обычно. Вместо этого Анна скромно сложила руки на животе.

Она услышала топот маленьких ножек. Захлопали двери. Наконец Анна оказалась на галерее с обшивкой из темного дерева и белыми вазами на полу. Из каждой торчали по четыре длинных лилии. Они тоже были белыми и создавали очаровательный контраст с темным окружением.

Анна бесшумно катилась по толстым коврам: позади нее был Иммануэль, а впереди – широкая спина Олафа Шмалёра. Хозяин открыл дверь, и Анна проскользнула в ярко освещенный салон. Похоже, окнами именно этой комнаты она любовалась снаружи. Помещение и вправду было таким огромным и высоким, что могло бы служить свету Баден-Бадена бальным залом. В покрытых черным лаком витринах стояли японские предметы. Настенные ковры с причудливыми узорами, фарфор и изделия в стиле шинуазри²³ вызвали бы восхищение в салоне рококо.

Перед четырьмя креслами, обтянутыми красным бархатом, стояли женщина и двое детей. Хозяйка дома была примерно того же возраста, что и Анна. Дама была низкой и хрупкой, а ее лицо напоминало мордочку пугливого животного. Она пыталась восполнить небольшой

---

²² *Bonsoir* (фр.) – добрый вечер.

²³ Шинуазри – художественный стиль, отличающийся использованием мотивов и стилистических приемов средневекового китайского искусства в культурах европейского типа.

рост высокой прической. Анна гадала, как мадам Шмалёр справлялась с тучностью мужа. Очевидно, пара нашла для этого решение. Это доказывало существование двух детей.

Хозяйка дома представилась как Мари-Александрин Шмалёр. Женщина сказала, что Анна может называть ее просто мадам. А она будет звать Анну графиней: «Если у немцев так принято».

Анна хотела было возразить и объяснить мадам Шмалёр, что она больше не графиня. Тут Олаф Шмалёр подошел к жене и попросил ее налить чай. Сам он, встав между детьми, положил руки им на плечи.

– А это малыш Жан и Анриетта, – сказал Шмалёр голосом, который привлек бы десяток покупателей на рыбном базаре.

На малыше Жане и Анриетте были дорогие наряды, соответствовавшие последней парижской моде. Девочке, как Анна знала из писем, было десять. Похоже, ей нравились дорогие одеяния. Она покрутила бедрами, неуклюже подражая матери, погладила себя по животу и оглядела наряд. У нее были пухлые щеки и маленький рот, а с головы свисали замысловатые локоны. Мать точно трудилась над прической не один час.

Жан, напротив, явно чувствовал себя неуютно в двубортном шелковом жилете с шалевым воротником. Он неподвижно стоял рядом с сестрой и, впившись ногтями в ладони, не отрывал взгляда от инвалидного кресла.

У обоих детей слипались глаза. Наверное, в это время они обычно давно были в постели.

– Подойдите ко мне, – Анна протянула руки им навстречу.

Дети не двинулись с места. Анриетта уставилась на палец Анны, словно боясь, что из него могут вылететь молнии. Жан с желчным видом разглядывал колеса инвалидной коляски.

– Подайте руку учительнице, – приказала мадам Шмалёр, стоявшая за тележкой-подносом с чайным сервизом.

Дети по-прежнему не шевелились. Анна бы с удовольствием опустила руки и отправила Жана и Анриетту спать. Но уступчивость – главный враг воспитания. Анна поманила детей пальцами. «Они как Гензель и Гретель²⁴, – подумалось ей, – а я для них – ведьма из пряничного домика».

– Идите же! – приказал Олаф Шмалёр и мягко подтолкнул детей.

Вцепившись в папины брюки, мальчик спросил:

– А после занятий с графиней мне тоже придется вечно сидеть в уродливом кресле?

– Простите их поведение, – сказала мадам. – Они устали, и суета их сильно утомила. Жан! Анриетта! В постель.

– Погодите, пожалуйста, – тихо сказала Анна.

Толкнув колеса кресла, она быстро подкатилась к детям. Прямо перед ними Анна остановилась. Отпрянув, Жан наткнулся на столик. Фарфоровые статуэтки на нем затанцевали.

– Меня зовут Анна Молль. Вы знаете, почему я здесь?

Дети покачали головами.

Мадам Шмалёр подошла к ним.

– Графиня, я же сказала: детям пора в постель.

– Я не графиня, – Анна коротко взглянула на низкую француженку. – А вот этого, – она постучала по колесам инвалидной коляски, – бояться совсем не стоит. Иммануэль!

Ее спутник поднял ее и усадил в одно из кресел. Затем графиня сказала Жану и Анриетте:

– На самом деле это все равно что ехать по железной дороге. Но сюда поместится только один пассажир.

---

²⁴ Гензель и Гретель – герои немецкой народной сказки «Гензель и Гретель» (нем. Hansel und Gretel). Была записана братьями Гримм. По сюжету детям угрожает ведьма-людоедка, живущая в пряничном домике.

Дети смотрели то на инвалидную коляску, то на мать. Прежде чем мадам Шмалёр успела что-либо возразить, ее супруг встал за спинку инвалидного кресла и опустил мясистые ладони на ручки.

– Кто сядет первым, того я прокачу по комнате три раза. Так быстро, как только смогу.

– Месье! – раздраженно воскликнула мадам Шмалёр.

Но тут Анриетта уже выскочила вперед и, громко прокричав «*Moi!*», опустилась в инвалидное кресло. Олаф Шмалёр толкнул коляску, и отец с дочерью покатались по просторному салону. Деревянные колеса застучали по паркету. У одной из стен комнаты стояла еще одна фарфоровая напольная ваза, которую чья-то искусная рука расписала китайскими рисунками. Шмалёр направлялся прямо к ней. В нужный момент он затормозил и обогнул вазу, задев лилии. Анриетта закричала. Ее мать тоже. Лепестки посыпались на землю. Ваза не упала. Проехав позади нее, инвалидное кресло снова набрало скорость.

Прежде чем Шмалёр успел сделать еще один круг, у него на пути встала супруга.

– Довольно, Олаф! – крикнула она и вытянула руки.

Инвалидное кресло со смеющейся от удовольствия Анриеттой остановилось у ног матери.

Мадам Шмалёр повернулась к Анне. Острый взгляд хозяйки мог бы разрезать страницу книги.

– Графиня, если это и есть ваши воспитательные методы, я лучше отправлю детей в школу-интернат. Как я и хотела с самого начала.

Наблюдая за этой дикой поездкой, Анна вцепилась пальцами в обивку кресла. Теперь она потупилась и изо всех сил старалась покраснеть. Ей нельзя снова потерять работу. У нее совсем не осталось средств. Место учительницы у торговца сельдью Шмалёра в Париже подыскал ей старый друг.

Отпустив красный бархат, Анна положила руки на блестящую ткань синего платья и тихо ответила:

– Разумеется, мои методы не таковы, мадам. Вы можете не сомневаться, что со мной ваши дети будут в надежных руках.

Как только она произнесла эти слова, Жан пробежал мимо нее и дернул маму за платье.

– Маман, скажи Анриетте, что теперь моя очередь. Она уже и так долго каталась по железной дороге.

Мадам Шмалёр рывком вытащила дочь из кресла: Анриетта даже споткнулась о подол материнского платья. Мадам еще раз мрачно посмотрела на Анну, а затем взяла детей за руки и вышла из салона.

Глава 8. Париж, дом семьи Шмалёр, ноябрь 1851 года

Семья Шмалёр обычно завтракала в шесть часов.

Когда Анна на утро после приезда вкатила кресло в столовую, к окнам все еще липла ночь. Дети сидели на своих местах, положив руки у тарелок и откинувшись на спинки стульев. Лица их покраснелись от утреннего умывания холодной водой, жесткими щетками и едким мылом.

Во главе стола восседал Олаф Шмалёр. На нем был синий суконный сюртук с бархатными лацканами. Широкий воротник рубашки был модно отогнут вниз.

Мадам Шмалёр нигде не было видно.

– Садитесь, графиня Дорн, – сказал Шмалёр.

Поблагодарив его за предложенное место, Анна пододвинула инвалидное кресло к столу. Напольные часы пробили шесть.

Анна сидела перед столом, полным деликатесов. Шмалёр указал на каждую тарелку и миску, представив их содержимое: *бриошь*²⁵, *мишь*²⁶ и *бульон*. Анна кивала вслед каждому слову, стараясь их запомнить. Однако втайне она скучала по простым баденским бутербродам с маслом.

Анна выбрала какой-то пирог, который дети жадно накладывали на тарелки. Она осторожно отправила вилок маленький кусочек в рот и стала медленно жевать, едва заметно шевеля ртом. У нее на языке взорвался вкус сахара и аниса.

– Вкусно? – Олаф Шмалёр проглотил кусочек. – Здешняя кухня еще вызовет у вас слезы радости, графиня.

У него на подбородке повисли желтые крошки.

Анна промокнула рот салфеткой с вышитыми китайскими иероглифами.

– Как давно вы живете во Франции, месье Шмалёр? – спросила она по-французски.

– Прошу вас, давайте говорить по-немецки, – сказал купец. – Я редко слышу родной язык. Я скучаю по нему даже больше, чем по людям, которых мне пришлось оставить в Любеке. Кроме того, мы с вами можем общаться на немецком языке более непринужденно.

Анна украдкой взглянула на детей. Жан и Анриетта не обращали внимания на взрослых. Они склонились над тарелками и наблюдали друг за другом, пытаясь определить, как быстро и как много каждый из них может съесть.

Анна повторила вопрос по-немецки. Она говорила с баденским акцентом.

Шмалёр рассказал ей, что живет во Франции уже пятнадцать лет. В свое время любекский совет отправил его в Париж, чтобы он содействовал торговле рыбой. Целый год купец чуть ли не жил на парижских рынках и прельщал французов немецкой сельдью.

Шмалёр взмахнул ложкой.

– Эти французы упрямы, как осетры. А еще они хитрые торговцы. Но нас в Любеке омывают воды Балтийского моря. Если мы захотим, то оживим даже мертвую рыбу.

Из соседней комнаты послышались шаги. В дверях появилась мадам Шмалёр. На ней была светлая юбка, плотно облегающая талию и расклешенная вниз от бедра, и белый жакет из шелка в обтяжку. Анна недовольно посмотрела на хозяйку.

– Чтобы добиться успеха в делах, моему супругу рядом нужна была женщина. – Голос ее был таким же спокойным, как и движения, с которыми она вошла в столовую. Женщина говорила по-немецки с эльзасским акцентом. – Это могла бы быть любая дама из парижского

---

²⁵ Бриошь (*фр. brioche*) – сладкая сдобная булочка особой формы.

²⁶ Мишь (*фр. miche*) – круглая буханка хлеба, каравай.

общества. Но только если бы нужно было просто чистить дверные ручки французских торговых домов.

Усевшись на стул рядом с детьми, мадам Шмалёр погладила Жана по волосам.

– Я думал, ты плохо себя чувствуешь, – сказал Олаф Шмалёр.

– Уже много лет, – ответила мадам Шмалёр. Отпив из кофейной чашки, она поставила ее на подставку так, что фарфор зазвенел. Коричневая жидкость выплеснулась через край.

Анна видела: Шмалёров ожидает конфликт. Делать тут ей было нечего. И детям тоже.

– Пора приступать к занятиям. Медлить нельзя. – Она вложила в голос живость, которой совсем не чувствовала.

– Нельзя тратить время впустую! Совершенно верно, графиня! – сказала мадам Шмалёр, потянувшись за булочкой и осмотрела ее со всех сторон, прежде чем положить на тарелку. – Давайте наконец познакомимся друг с другом. Я уверена, мой муж уже поделился с вами своими достижениями. Теперь мы хотели бы услышать, откуда наша новая учительница и как она оказалась в Париже. Не так ли, дети?

Кивнув, Жан и Анриетта выжидательно посмотрели на Анну.

Руки Анны все еще лежали на колесах кресла. Она могла бы послушаться требования мадам Шмалёр и покинуть комнату. Но тогда разрыв между женщинами перерос бы в пропасть, которую Анна никогда бы уже не смогла преодолеть.

Олаф Шмалёр отодвинул стул.

– Прошу меня извинить. Меня ждут дела.

– Сядь! – приказала ему супруга.

К удивлению Анны, Шмалёр сел, но не придвинул стул обратно к столу. В нерешительности он закинул ногу на ногу.

– Хорошо, – сказал мужчина, вытащил из жилета карманные часы и так сердито на них посмотрел, что то, что те не сломались, было равносильно чуду.

– Пятнадцать минут, – уступил Шмалёр.

Анна никогда бы не подумала, что парижские пятнадцать минут тянутся так долго.

– Меня зовут Анна Молль, – начала она по-немецки.

– Дорогая графиня, – прервала ее мадам Шмалёр. – Давайте использовать язык нашей страны, чтобы дети лучше понимали, что вы нам рассказываете.

По лицу мадам Шмалёр пробежала тень улыбки.

Анна повторила фразу по-французски и продолжила:

– Я родилась 5 апреля 1821 года в Баден-Бадене. Любовь к литературе у меня от рождения, ведь мой отец был знаком с Гете. Вы же знаете, кто такой Гёте? – Анна вопросительно взглянула на Анриетту и Жана.

Дети растерянно посмотрели на маму.

Мадам Шмалёр покачала головой.

– Господин фон Гёте, безусловно, очень важен для всех немцев. Но, дорогая графиня, в эту минуту большее значение для нас имеете вы. Продолжайте, мы хотим услышать историю вашей жизни. Согласно вашим письмам, дальше она становится еще увлекательнее.

Анна искала в клубах пара от кофе слова, которые могли бы сделать ее судьбу похожей на судьбу совершенно обычной, благовоспитанной женщины. Она рассказала о своей семье, о том, как ее мать всеми силами старалась вырастить из нее достойную барышню. И о попытках отца увлечь ее литературой.

– Папа хотел, чтобы я стала писательницей. Он видел во мне вторую Беттину фон Арним²⁷.

---

²⁷ Беттина фон Арним (нем. Bettina von Arnim) – немецкая писательница начала XIX века; одна из основных представительниц романтизма.

В глазах Шмалёров она увидела непонимание. Анна хотела назвать какую-нибудь французскую писательницу. Но на ум ей приходили только писатели-мужчины.

Она рассказала о книгах, которые ее отец привозил из путешествий, и о сражениях, которые ему из-за этого приходилось вести с матерью Анны. По мнению Аннетт Молль, книги путали умы молодых девушек. Дама, читавшая или даже публиковавшая волнующие истории, никогда бы не нашла мужа, а если бы и нашла, то только пьяницу.

– Я пыталась угодить обоим родителям, – сказала Анна. – Так литература помогла мне стать учительницей. Мои родители...

– А потом вы удачно вышли замуж, – прервала ее мадам Шмалёр.

Очевидно, она больше хотела узнать о событиях в крепости Дорн. Анна надеялась, что сможет обойти этот подводный камень, но, как оказалось, направлялась прямо к нему.

– Моим мужем был граф Тристан фон Дорн. Мы встретились на светском вечере.

Анна все еще видела перед собой игорный дом Баден-Бадена. Все до последнего столы были заняты. Подсвечники излучали теплый свет. Окна доходили до потолка. Снаружи по стеклу барабанил дождь. Шум смешивался с голосами гостей в булькающую симфонию. Затем над ее ухом раздался медовый голос: «Не окажете ли мне честь поставить мои жетоны на цифру, фройляйн? Моя удача, к сожалению, осталась дома, а вы выглядите так, будто у вас ее с лихвой».

– Вы улыбаетесь, – отметила Мари-Александрин Шмалёр.

Анна подавила улыбку, заставив себя образумиться.

– Воспоминание, мадам, простите.

– О, но за любовь не извиняются, не так ли?

Дети захихикали.

– Вы писали, что спустя очень уж короткое время ваш муж умер, – продолжила мадам.

Анна попыталась пропустить события в замке Дорн.

– Мне все еще его не хватает. Его состояние помогло мне начать жить заново. Но это было десять лет назад. Средств больше не осталось. Поэтому я снова стала искать работу учительницей – и нашла ее здесь, у вас в доме. Я благодарна, что вы решили доверить детей моему попечению.

На этом ее история подошла к концу. Анна отпила остывший кофе. Теперь семья могла освободить ее от допроса.

– Как погиб ваш супруг? – Голос мадам Шмалёр звучал так непринужденно, будто она спросила о погоде в Германии.

По спине Анны пробежал холодок.

– Несчастный случай, – ответила она.

– До меня доходили слухи, – не отступала мадам.

– Мари-Александрин, – вмешался тут Олаф Шмалёр, – я нахожу эти вопросы...

– дерзкими? – закончила его жена, вскинув брови. – Но ведь графиня станет воспитывать наших детей. Она останется с ними наедине, а главное – будет учить их, что правильно, а что неправильно, что есть добро, а что – зло. Ты же хочешь знать, что за вино у тебя в чаше, прежде чем его выпить.

– Графиня – учительница, которую выбрал я, – не выдержал торговец рыбой. – Этого достаточно, иной рекомендации не нужно. Можешь сеять раздор среди своих французских друзей, но не у меня в доме.

– Тристан погиб при взрыве, – сказала Анна как можно спокойнее. – Вместе с ним обрушился родовый замок его семьи. Я уверена, что в Париже об этом слышали.

Ее охватила дрожь.

Глаза детей округлились. Жан сказал:

– Я слышал об этом. Говорят, грохотало до самого Парижа. Но в это время я, наверное, уже спал.

– Значит, это правда, – сказала мадам Шмалёр. – Да, эта история в самом деле ужаснула Сену. Но никто не знает, что побудило графа Дорна к этому поступку.

Невысказанный вопрос повис в комнате. Анна решила на него ответить.

– Его разум был затуманен, – она даже не солгала. – Так продолжалось уже несколько месяцев. В тот день я покинула замок, и он покончил с жизнью.

Она притворилась, что делает глоток, чтобы остальные не заметили, как от этих слов у нее к горлу подступил комок.

– Почему он просто не застрелился? – спросила Анриетта.

– Довольно! – Голос Олафа Шмалёра бурей пронёсся над столом. – Графине, очевидно, придется как следует заняться вашим воспитанием. Чем раньше она примется за дело, тем быстрее мы увидим результаты.

На этот раз Мари-Александрин Шмалёр не нашлась, что ответить мужу.

Глава 9. Париж, дом семьи Шмалёр, ноябрь 1851 года

В детской царил прусский порядок. У брата с сестрой была целая игрушечная конюшня: лошадка-качалка, две лошадки на палочке, к колесам которых были привязаны колокольчики. Игрушечные оружие и магазинчик ждали Жана, кукольный домик и игрушечный уютюжок – Анриетту. Анна заключила: роли были уже распределены.

Центр комнаты отмечал круглый ковер. На нем стояли два кресла и зеленое канапе. Бархатная обивка была потертой, а судя по углублениям на ней, детям нравилось прыгать по мебели. Всюду был идеальный порядок: ни рисунков на стенах, ни кукол с оторванными ногами.

Анна подкатила кресло к канапе и сказала Жану и Анриетте занять места. Она думала, что теперь, без надзора родителей, дети станут сопротивляться, но оба послушно уселись рядом. Анриетта сложила руки на коленях. Жан положил ладонь на штанину. Анна улыбнулась. Будь графиня художницей, более прелестной позы для юных Шмалёров она бы придумать не смогла.

– Мы начнем с математики, – сказала Анна.

Язык цифр был международным. Арифметические задачи дети решали серьезно и почти всегда правильно. Сложение и вычитание трехзначных чисел не составляло для них труда. Жан уже освоил умножение. Здесь предшественники Анны возделали поле добросовестно. Очевидно, Олаф Шмалёр следил за тем, чтобы отпрыски разбирались в его деле.

Следующим на очереди был немецкий. Анна достала книги, которые хранила в корзине, прикрепленной сбоку к инвалидной коляске. Она провела рукой по обложкам книг, которые сама переплела бельгийским льном: «Необычайная история Петера Шлемиля»²⁸ Адельберта фон Шамиссо, первая часть «Фауста» тайного советника Гёте и «Немецкие народные сказки» Якоба и Вильгельма Гримм. Переплеты сменяли друг друга в руках Анны, пока она не остановила выбор на сказках. Легкое начало расположит детей к учительнице и ее родному языку.

Указательный палец Анны заскользил по оглавлению. «Сказка о Красной Шапочке»? В ней волку вспороли живот. «Гензель и Гретель»? Двое детей сожгли старуху. «Смерть кума»? От такого начнутся кошмары. «Король-лягушонок»? Анна на секунду задумалась. Заслышав о поцелуях и любви, дети могут неловко захихикать или покраснеть. «Рапунцель». Анна стала вспоминать сказку. Рапунцель и принц. Ближе к концу истории сын короля упал в колючие кусты и выколол себе глаза. Но эту часть она просто пропустит. Под ее присмотром нежные детские души не пострадают.

– Это сказка о Рапунцель. Я буду читать ее вслух по-немецки, очень медленно. А потом вы попытаетесь пересказать по-французски все, что поняли. Готовы?

– А если мы чего-то не поймем? – спросила Анриетта.

– Тогда просто придумайте что-нибудь подходящее, – сказала Анна. – Готовы?

Дети прилежно кивнули.

Анна принялась за чтение. Она вкладывала в текст мелодию, то повышая, то понижая голос, пока он не стал напоминать пение. Графиня знала, что для французов немецкий звучит как стук молотка по железу, но у нее на языке слоги становились мягкими, податливыми.

После второй страницы Анриетта откинулась назад. Жан вглядывался в глаза лошади-качалки.

Анна решила не давать сбить себя с толку. Она начала читать громче, чтобы придать происходящему больше драматизма. Анна дошла до места про королевского сына. Он хочет

---

²⁸ «Удивительная история Петера Шлемиля» (в другом варианте – «Необычайные приключения Петера Шлемиля») – повесть-сказка немецкого писателя Адельберта Шамиссо.

увидеться с Рапунцель, но в башне ее уже нет. На месте, где принц встречает ведьму и узнает, что его возлюбленная исчезла, Анна закрыла книгу и заложила палец между страницами.

– Как думаете? – спросила графиня по-немецки. – Увидит ли он Рапунцель снова?

Анриетта без интереса посмотрела на нее. Жан пожал плечами.

– Отвечайте! – приказала Анна. – По-немецки.

– Он больше ее не увидит, – сказал Жан совершенно безразлично.

– Хорошо, – сказала Анна. – Почему ты так думаешь?

– Потому что принц скучный, – отозвалась теперь Анриетта. – Поэтому мне все равно, станут ли они парой.

И все же девочка ответила по-немецки. Если критика братьев Гримм поможет научить детей немецкому языку, Анна пойдет по этому пути.

– Почему вам не нравится сказка? – продолжила графиня тянуть за ниточку.

– Принц – совсем не герой. Он не борется за свою честь, он бы за нее не умер, – ответил Жан.

– Рапунцель ведет себя как старуха. Ей безразлично, приедет ли принц ее навестить, – сказала Анриетта.

Слова медленно просачивались меж ее губ.

– Что же, по-твоему, ей стоит сделать? – спросила Анна.

Теперь Анриетта снова выпрямилась и перешла на французский.

– Она должна умирать от тоски. Она должна рвать на себе волосы, считать минуты и плакать, плакать, плакать, плакать. – На щеках девочки появился румянец. – Ее глаза должны слезиться из-за греховных мыслей.

Переплет Гёте, соскользнув с колен Анны, упал на ковер.

– Да это все девчачья чепуха, – сказал Жан сестре. – Принц должен сразиться с ведьмой. Он должен размахивать мечом с него самого длиной. Злая колдунья должна метать в него молнии. Она изувечит его и уничтожит его семью. Сначала он проиграет. Но потом вернется, и вот тогда отомстит. Ее голову...

– Довольно! – воскликнула Анна. Она хлопнула в ладоши. – Откуда у вас такие жуткие мысли?

Анна не удивилась бы, если бы дети признались, что Олаф Шмалёр рассказывал им подобные истории перед сном.

Жан встал, опустился на колени перед комодом и достал из нижнего ящика стопку бумаг. Он протянул ее Анне. Это были страницы из ежедневных газет. Бумага пожелтела. Несмотря на это, тексты на ней все еще можно было разобрать.

– Что это? – спросила Анна, поправляя очки и поднося первую страницу поближе. Шрифт был очень мелким. – «Граф Монте-Кристо», – прочитала она вслух. – Александр Дюма.

– Графа предадут друзья и бросают в темницу. Но ему удастся освободиться, и тогда он уничтожает всех врагов. Он не знает пощады. – Жан грубо рассмеялся и сжал кулаки. – Я прочел это четыре раза. Когда я вырасту, я точно буду знать, как мне вырваться из тюрьмы.

Анриетта постучала себе по лбу.

– Да что ты сочиняешь? Три мушкетера намного сильнее и храбрее. А как они галантны с дамами! Если я когда-нибудь выйду замуж, мой муж тоже должен быть мушкетером и ухаживать за мной, как д'Артаньян.

Анна почувствовала ледяное покалывание, исходящее от основания позвоночника и подбирающееся к коже головы. Она поспешно пролиستала газетные страницы. Бумага зашуршала.

– Но ведь это вовсе не книга, – проговорила графиня.

– В Париже романы печатаются в газетах. Каждый раз выходит новая часть, – объяснил Жан. – Мы собираем все выпуски. В ящиках их полно. Хотите посмотреть?

Взгляд Анны упал на «Фауста». Книга лежала на ковре переплетом кверху, как животное со сломанной спиной. Как же ей заинтересовать этих детей литературой?

– Не могли бы вы рассказать, почему взорвалось ваше шато? – заговорщически спросил Жан.

– Это была крепость, а не шато, – сказала Анна.

Графиня подавила желание наказать детей. Дело ведь не в воспитании: они всего лишь восторгались рассказами о разбойниках и любовными историями. Они ступили на тропу к литературе, но свернули не туда. Теперь их нужно вытащить из болота и привести на вершину писательского искусства.

– Может быть, когда-нибудь я вам расскажу. Но для этого вам нужно подучить немецкий, – продолжила Анна.

– Нам придется опять слушать про Рапунцель и принца? – спросила Анриетта.

– Можно вместо этого мы почитаем что-нибудь из Александра Дюма? – Жан прыгал по канаве.

– Об этом не может быть и речи, – воскликнула Анна. Она заколебалась. – Во всяком случае, до тех пор, пока я не проверю тексты.

Дети замерли.

– Я прочитаю эти газетные вырезки. Если там найдется что-нибудь подходящее, вы сможете перевести текст на немецкий.

– *Un triple hourra*²⁹, – крикнула Анриетта и победно подняла кулаки в воздух.

Жан уже пошел к комоду, достал еще несколько текстов и положил их Анне на колени.

Стопка бумаг теперь доставала ей до груди. Анна взяла колокольчик, висевший под правой ручкой инвалидной коляски, освободила его от шелкового платка и позвонила. Дверь открылась, и вошел Иммануэль.

– Мы закончили, – сказала Анна спутнику. – Отнесите эти бумаги ко мне в комнату.

Графиня сомневалась, одержала ли она победу или только что открыла дорогу дьяволу.

– *Да, я люблю тебя! Я люблю тебя, как любят отца, брата, мужа! Я люблю тебя, как жизнь. Я люблю тебя, как Бога, потому что ты для меня самый прекрасный, самый лучший, самый великий из людей!*³⁰

Бумага в руке Анны дрожала. Откинувшись на кожаную спинку кресла, графиня закрыла глаза. Что она только что прочла? Подобным описаниям место в трактирах, когда винная бочка выпита до дна. Но не в детских руках.

Не было даже переплета! Немудрено. Какой издатель опубликовал бы эту писанину? Теперь Анна понимала, почему эту мерзость приходилось печатать на газетной бумаге: качественная книжная бумага была для нее слишком хороша.

Анна бросала на пол одну страницу за другой. На полу комнаты расстелился ковер из бумаги.

Следующая история – «Жозеф Бальзамо» – была первой частью серии романов под названием «Записки врача», которые, как сообщал автор, будут развлекать читателей. Анне совсем не хотелось знать, о каких превратностях писал врач. Но она пообещала детям проверить тексты. Бегло просмотрев первые страницы, она остановилась на том месте, где торжество пошло наперекосяк. Герой Жильбер спасает свою возлюбленную Андреа. Он выводит ее из сумятицы в безопасное место. Анна читала дальше. Храбрые мужчины, которые помогают слабым женщинам, оказавшимся в опасности. Ничего такого в жизни не бывало: она знала это лучше всех. Но, должно быть, подобные сцены разжигают воображение маленьких девочек. Неужели в тексте нет ничего поучительного? Сцены, где один из героев взывает к Богу или

---

²⁹ *Un triple hourra (фр.)* – трехкратное ура.

³⁰ Отрывок из романа Александра Дюма «Граф Монте-Кристо». Перевод с французского В. Строева, Л. Олавской.

размышляет о жизни? Вместо этого Анна прочитала про отчаявшуюся Андреа: девушка обнаружила, что беременна, так как Жильбер воспользовался ею, когда та была без сознания.

Анна разорвала газетный лист, скомкала бумагу и бросила клочки в огонь, потрескивающий в маленьком камине. Надо бы поступить так со всеми страницами. Она бросила взгляд на стопку бумаг. Дальше шла история под названием «Три мушкетера». Анриетта была от нее в восторге.

Анна стала читать вслух:

– *Положите оружие на место, д'Артаньян, – сказал он. Эту женщину надлежит судить, а не убивать.*

Суеверная мысль поразила ее: она решила, что небо отказывает ей в помощи, и застыла в том положении, в каком была, склонив голову и сложив руки.

Тогда с другого берега увидели, как палач медленно поднял обе руки; в лунном свете блеснуло лезвие его широкого меча, и руки опустились; послышался свист меча и крик жертвы, затем обезглавленное тело повалилось под ударом.

Палач отстегнул свой красный плащ, разостлал его на земле, положил на него тело, бросил туда же голову, связал плащ концами, взвалил его на плечо и опять вошел в лодку.

Выехав на середину реки, он остановил лодку и, подняв над водой свою ношу, крикнул громким голосом:

– *Да свершится правосудие Божие!*

*И он опустил труп в глубину вод, которые тотчас сомкнулись над ним...*³¹

Александр Дюма! Это имя Анне хотелось забыть, как страшный сон. И все же хорошо запомнить, чтобы предостеречь других. Этот человек был разорителем языка. Героем порока. Он облакал слова в короткую ночную рубашку анекдота вместо того, чтобы вознести их на пьедестал писательского искусства. Эта мазня пачкала мысли любого порядочного человека.

Анна с отвращением посмотрела на газетные листы у себя на коленях. Подкатив кресло к камину, она бросила стопку в огонь.

Посыпались искры. На мгновение показалось, что бумага задушит пламя, но огонь выиграл битву с напечатанной грязью. Истории из чрева литературы встретили свою заслуженную участь.

Анна смотрела на пламя. Она поступила правильно. Почему же она не чувствует облегчения?

В дверь постучали. Анна испугалась. Ее комната была еще не убрана. Оставшиеся газетные страницы были разбросаны по полу. Дорожные сумки стояли рядом с кроватью. А в камине все еще догорали страницы.

– Кто там? – спросила она по-французски.

– Мадам Шмалёр, – последовал ответ. – Графиня, можно вас на минуту?

Чего бы ни хотела хозяйка дома от Анны – она пришла как раз вовремя. Анна расскажет мадам о том, какую литературу читают ее дети. Это откроет ей глаза. Тогда она поймет, что Анна – учительница немецкого языка, которая не потерпит халтуры в руках Жана и Анриетты. Ни за что на свете!

Анна попыталась нагнуться в инвалидном кресле, чтобы собрать бумаги, но не дотянулась до пола. Она кое-как сдвинула листы кочергой. На бумаге остались черные линии.

Прислонив кочергу к умывальнику, она покатила к двери. Мадам Шмалёр, скрестив руки на груди, смерила учительницу недовольным взглядом.

– Прошу, мадам.

Анна откатилась назад, чтобы освободить место для гостыи.

Мари-Александрин Шмалёр вошла и осмотрела комнату.

---

³¹ Отрывок из романа Александра Дюма «Три мушкетера». Перевод с французского К. Ксаниной.

– Извините за беспорядок, – начала Анна. – Но Иммануэль еще не успел разобрать мой гардероб. Все утро он был занят лошадьми и каретой.

– Надеюсь, перед этим он вымоет руки, – сказала мадам с мрачной насмешкой.

Анна ничего не ответила.

– Хорошо, что вы зашли именно сейчас, – сказала она.

Мари-Александрин повернулась, и ее корсет скрипнул.

– Я тоже так думаю. Я пришла попросить вас...

– Вы знаете, что читают дети? – перебила Анна. – Нужно что-то предпринять.

Она рассказала об увлечении Жана и Анриетты. О собранных газетных вырезках и о том, какую грязь обнаружила в этих строчках.

– Разум детей извращает не только излишняя сентиментальность. В этих историях рассказывается о кровосмесителях, насильниках, сквернословых и просто омерзительных злодеях. Эти истории читают лишь люди с помутившимся рассудком. – Анна указала на бумаги, лежащие на полу. – Посмотрите сами. Я проверила эти страницы. Больше вынести мне не под силу.

Мадам Шмалёр наклонилась, придерживая рукой заколотые волосы. Она собрала страницы и осмотрела их.

– Откуда эти черные линии? – спросила хозяйка дома.

– Я собирала эту грязь кочергой, – объяснила Анна. – Прошу вас, мадам. Поговорите с детьми. Если они спрятали и другие истории, нужно их найти, иначе мои уроки будут напрасны.

Мари-Александрин Шмалёр поднесла кипу бумаги ко рту и подула на нее. Вытащив из платья кружевной платок, она осторожно коснулась им верхнего листа. К тонкой белой ткани пристала сажа.

– Что вы делаете? – спросила Анна.

– Пытаюсь очистить тексты. Я пришла из-за них. Я читаю истории Дюма каждый вечер перед сном. Сегодня я пошла за вырезками, а комод оказался пуст. Жан рассказал мне, что газеты у вас. Где остальное?

Глава 10. Париж, дом семьи Шмалёр, ноябрь 1851 г.

Ветер поднимал зыбь на лужах и трепал кроны деревьев. Анна еще раз прищурилась из-за капель дождя на очках и посмотрела на дом Шмалёров. Столько всего произошло с тех пор, как мадам Шмалёр обнаружила, что ее любимые истории стали добычей огня. Анна громко отстаивала свою правоту, а после в ярости покинула дом Шмалёров. Она побывала у жандармов и у цензоров. Она призвала к ответу самого Дюма в его проклятом шато и в конце концов столкнулась со своим собственным прошлым – в образе магнетизёра Этьена Леметра. Теперь Анна снова стояла перед домом Шмалёров, и ей казалось, что она никогда его не покидала.

Лоран, слуга, впустил Анну и Иммануэля. В коридоре с изогнутой лестницей царил тьма. Лишь через открытую дверь слева падал свет цвета переспелых апельсинов. Анна сказала Иммануэлю ждать и сама подъехала к двери. Комната за ней была оклеена красными шелковыми обоями. Фисгармония³² ждала музыканта. На потолке на четырех серебряных цепочках висела лампа из красновато-коричневого стекла. Мари-Александрин и Олаф Шмалёр сидели в зеленых креслах и читали: она – книгу, из которой торчали четыре закладки, он – газету. Это был «Мушкетер».

Анна остановилась на пороге и, чтобы обратить на себя внимание, тихо постучала о дверной проем. Мадам Шмалёр опустила книгу. Ее муж сложил газету так быстро, как будто уже давно ждал этой минуты.

– Где вы были? – тоном судьи спросила хозяйка дома.

– У меня были неотложные дела, – сказала Анна. – За пределами Парижа.

– Жан и Анриетта пропустили урок, – продолжила Мари-Александрин. Ее губы казались потрескавшимися. Захлопнув книгу, она положила ее на колени. – Потому что их учительница не явилась.

– Извините меня, – сказала Анна. – Но это дело касалось и детей, и...

– Приходила полиция, – прервал ее Шмалёр. – Жандармы спрашивали, проживает ли здесь дама по имени Анна Молль. По их словам, вчера вечером к ним в участок заходила молодая женщина, чтобы дать показания против Александра Дюма. Господа из жандармерии хотели проверить данные этой дамы. Представляете, какие пойдут разговоры?

Анна почувствовала глубокий стыд.

– Я не знала, что служащие поднимут такой шум, – сказала она.

Анна положила руки на колеса инвалидной коляски. Ей захотелось выехать из комнаты, но она сдержалась.

– А я не знала, что мы привели к нам в дом молодую даму с бредовыми идеями, – продолжила мадам Шмалёр.

– Я пойду к соседям и все объясню, – предложила Анна.

– Чтобы слухи расползлись еще больше? Об этом не может быть речи. Но вы могли бы объяснить, что сделали дальше, – прошипела мадам Шмалёр.

Анна зажала язык между зубами. Выходит, Шмалёры знают и об ее визите в цензурное ведомство. Она надеялась, что Олаф Шмалёр ее поддержит. Но хозяин дома, наклонившись вперед, сидел на краю кресла и разглядывал свои сцепленные ладони.

– Вы молчите. Тогда я расскажу историю до конца сама. Вы подали жалобу на месье Дюма в цензурное ведомство. И даже это вас не удовлетворило. Вам хотелось видеть, как жертва истекает кровью, и вы досаждали цензорам до тех пор, пока те не отвезли вас домой к этому чудесному человеку. А там вы...

– Я знаю, что я сделала, – громко сказала Анна. – Все это было на благо ваших детей.

---

³² Фисгармония – клавишный духовой музыкальный инструмент, по звучанию напоминающий орган.

Она подъехала вплотную к Шмалёрам. Хозяйка дома вжалась в кресло. Анна взяла книгу у нее с колен и «Мушкетера» со столика, покрытого красным войлоком.

– Успокойтесь. – Анна отодвинулась назад. – Я поехала к месье Дюма, потому что он попирает литературу. – Графиня подняла книгу и газету. – Он уничтожит все, чего писатели достигли за столетия. Он пишет не для того, чтобы нести людям свет, а чтобы обогатиться. Для него книги – не более чем товар.

Она бросила книгу и газету, и те с хлопком упали на паркет.

– Прежде чем вы меня уволите, позвольте мне дать вам один совет. Если истории Александра Дюма и впредь будут сопровождать Жана и Анриетту на жизненном пути, то ваших детей ждет сомнительное удовольствие. Они познают учащенное сердцебиение одинокого читателя и нежную слезу одинокой читательницы, но не почувствуют, каково это – быть в надежных руках в великой общности человеческого разума.

– Видишь, Олаф? – Голос мадам Шмалёр задрожал от удовольствия. – А я говорила тебе, что немцы смотрят на французов свысока. – Она вскочила и подняла книгу, оставив газету на полу. Выходя, хозяйка тихо сказала: – Проследи, чтобы эта дама сегодня же покинула наш дом.

Когда мелкие шаги Мари-Александрин стихли, Олаф Шмалёр откинулся в кресле, как срубленное дерево. Его руки тяжело опустились на ручки кресла.

– И что мне теперь делать?

– Ничего, – сказала Анна. – Я уйду сама. Тогда вам не придется меня увольнять, а ваша жена все равно будет довольна.

– Позвольте мне хотя бы выплатить вам жалованье за три месяца, – сказал он. – На обратный путь.

Деньги Анне бы не помешали. В кошельке у нее оставалось всего двести франков. Однако она покачала головой.

– Я не могу этого принять, – сказала она. – Потому что пока не собираюсь возвращаться в Карлсруэ.

– Куда же вы направитесь?

Анна задумалась о том, что могла бы рассказать Шмалёру, и решила ответить расплывчато.

– У меня остались нерешенные дела в Париже. Произошедшее здесь вернуло меня на путь, на который я должна была вступить еще десять лет назад.

– Я не понимаю вас, графиня.

– А я от всего сердца желаю, чтобы вам никогда и не пришлось этого понять. Вот что: я бы хотела забрать газету. Вы не возражаете?

Подняв издание, Шмалёр отдал его Анне.

– Спасибо, – сказала она. – Прощайте, месье Шмалёр.

Анна покинула комнату, несколько раз толкнув колеса. Шмалёр не пошел за ней. Иммануэль отвез ее в покои. Две из трех дорожных сумок все еще были не полностью разобраны, поэтому упаковать ее пожитки не заняло много времени.

Когда Иммануэль понес багаж в карету, Анна открыла сумку, оставшуюся в комнате. Из бокового отделения торчала деревянная рукоятка терцероля. Она вытащила пистолет. Оружие у нее в руке ощущалось так же инородно, как перед крепостью Дорн, когда Анна стреляла из него в Леметра. Тогда графиня была слишком юна, чтобы свершить возмездие. Она колебалась. Поэтому злодей и сбежал. На сей раз ему это не удастся. Анна достала мешочек с порохом и свинцовые пули и высыпала порох в ствол. Оторвав из газеты полоску бумаги, она скомкала из нее шарик. Его она сунула в ствол пистолета, а за ним – свинцовую пулю. В конце она запихнула внутрь еще один бумажный шарик. Анна улыбнулась. Она научилась обращаться с оружием у Тристана. Выстрелами Анна отпугивала птиц с виноградников. Но Тристан всегда клал в пистолет только порох и бумагу.

Послышались шаги. Возвращался Иммануэль. Анна убрала пистолет в корзину сбоку от инвалидной коляски. Она закрыла крышку, застегнула кожаный ремень и подняла глаза на Иммануэля. Казалось, слуга ничего не заметил.

– Мне найти нам отель? – спросил он.

В его голосе звучало беспокойство. Он был хорошим человеком, и Анне было непросто хранить от него тайну.

– Мы едем на улицу Ришелье, туда, где у входа ждет толпа.

«Там, – подумала Анна, – будет видно, понадобится ли мне отель».

Глава 11. Париж, Лувр, декабрь 1851 года

В тот день в Лувре, похоже, собралось пол-Парижа. В коридорах музея толпились дамы с надушенными зонтиками, джентльмены в туго натянутых перчатках. Молодые пары рука об руку прогуливались по картинной галерее и перешептывались, пожилые пары тяжело ступали друг за другом и молчали. Студенты художественных институтов сидели на принесенных ими деревянных ящиках и пытались скопировать Караваджо и Рембрандта угольным карандашом. Рабочие двигали через залы монументальные статуи, чтобы пополнить недавно открытую ассирийскую коллекцию. Сквозь стеклянную крышу галерею заливал молочный свет. Надо всем парили тишина церковной службы и довольство изумленных.

Быстрые шаги Александра эхом отражались от стен, сотрясая сонливость галерей. Где же залы с египетской коллекцией? Этому музею решительно не доставало указателей. С полчаса Дюма блуждал взад и вперед между Античностью и Возрождением, а снаружи его ожидало богатство Нового времени. Вот бы поскорее заполучить амулеты!

Александр шагал по залам так торопливо, будто его преследовали. Однако ему удалось отделаться от недоброжелателей, нагрянувших к нему утром. Банкиры согласились на задаток в пятьдесят тысяч франков. Цензорам Дюма сунул готовые к печати статьи с «фабрики романов». Прунель он дал три тысячи франков для Анри, а наемным писателям повысил жалованье. Вот только загадочную даму в инвалидной коляске он обольстить не сумел. Женщина поспешила к карете и уехала вместе с цензорами. Такое поведение встревожило Александра. Раз уж она не взяла денег, то могла хотя бы его отчитать. Тогда бы он знал, чего от нее ожидать. Но иностранка просто сбежала, и это беспокоило сильнее армии судебных исполнителей и целого судна незаконнорожденных детей.

Погруженный в свои мысли, Дюма натолкнулся на что-то большое. Грудь пронзила боль. Статуя качнулась. Он обхватил ее и смог вернуть произведение искусства в равновесие.

– Руки прочь от нашей Хатшепсут!

К Дюма спешил мужчина огромного роста. На нем был темно-синий сюртук с желтой каймой. Его голова по форме походила на ящик. Глаза казались просто нарисованными черточками. Прилизанные темные волосы напоминали прическу греческой бронзовой статуэтки.

Александр отпустил статую, отпрянул и посмотрел на произведение искусства, которое чуть не сбил. Дюма не разбирался в египетском искусстве, но готов был сам назваться фараоном, если это изваяние родом не с берегов Нила – настолько явно было его происхождение.

– Вы что, сластолюбец? – надзиратель встал между Дюма и статуей. – Я много раз видел, как посетители трогали тысячелетние произведения искусства потными руками. Но прижиматься к женщине-фараону – невиданное кощунство. Убирайтесь!

Это же месье Мариетт!

– Вы хранитель египетской коллекции, – заметил Александр.

– И я буду защищать эту коллекцию шпагой и пистолетом. Уходите прочь, вы, осквернитель достопочтенного искусства! Или вы собираетесь и дальше посягать на наши мумии?

– Вы думаете, я изнываю от скрытого сладострастия при виде холодного камня? – Александр поправил жилет. – Месье! Я люблю женщин. Но у этой штуки, – он посмотрел на статую, возвышавшуюся у него над головой, – даже нет груди.

– Вы оскорбляете одну из величайших женщин в мировой истории. Королеве Хатшепсут пришлось притворяться мужчиной, чтобы претендовать на трон.

– Я бы тоже притворился женщиной ради того, чтобы вы послушали меня хотя бы минуту, – сказал Александр. – Я Александр Дюма. Вы меня не узнаете?

– Дюма? – Куратор еще сильнее сузил и без того узкие глаза. Он вытащил из кармана жилета пенсне и нацепил его на нос. – Это действительно вы, клянусь синим резцом Рамсеса! Вы пьяны?

– От счастья, месье Мариетт, потому что я могу предоставить музею деньги.

– Если вы пришли купить Хатшепсут, то я вынужден вас разочаровать. Мы и так сократили выставочную площадь, потому что Министерству финансов понадобилось несколько помещений. Если я теперь отдам и наши лучшие экспонаты, мы опустимся до уровня краеведческого музея.

– Это заманчивая мысль – поселить эту египтянку в моем шато. Но я пришел за вещицей куда менее значительной. Несколько лет назад я продал вам три амулета, которые мой отец привез из Египта. Вы помните?

Александр вытащил табакерку «Доппельмопс» и протянул ее хранителю. Мариетт взял понюшку. Нюхательный табак, казалось, помог ему вспомнить.

– Конечно. Вы принесли мне три бронзовых подвески. За это я заплатил вам... погодите... десять тысяч франков – кругленькую сумму. Вы хотите деньги назад?

– В каком-то смысле. – Дюма чуть заметно улыбнулся и тоже взял понюшку. – Мне нужны амулеты. За них я дам вам десять тысяч. Десять тысяч за каждый диск. – Он хлопнул месье Мариетта по плечу. – У вас, могу поспорить, нечасто бывают такие дни, месье. Идите же! Принесите амулеты. Тогда я открою бутылку шампанского д'Ай. Пусть игристое вино течет рекой!

Но Мариетт, казалось, не был рад такой внезапной денежной благодати.

– Тридцать тысяч франков? – спросил он. – Вы серьезно?

– Я понимаю, из-за такой щедрости вы сомневаетесь в моей добросовестности. Но это правда. Деньги у меня с собой. – Александр хлопнул по карману пиджака. – А теперь несите амулеты, Мариетт!

– Я бы отдал вам подвески. – Мариетт понизил голос. – Но у меня остался только один экземпляр. Остальные я перепродал.

Александр схватил хранителя за руку.

– Вы мелкая душонка, месье! Как вы посмели разодрать на части и разбазарить наследство моего отца? Эти предметы должны были храниться в музее.

– Они по-прежнему в музее. Но не все из них именно в этом, – сказал Мариетт.

Дюма сжал руку хранителя. Тот тщетно пытался освободиться из его хватки.

– Бросьте шарады! – Дюма повысил голос. – Где амулеты, спекулянт?

Мариетт высвободился и потерял руку.

– Десять тысяч франков, которые я вам дал, проделали у меня в казне дыру, которую мне нужно было заткнуть. Вы оставили мне три одинаковых диска. Три! Вот я и продал два, чтобы немного компенсировать убытки.

– Сколько вы получили? – Александр не был уверен, что хочет услышать ответ.

– По двести франков за каждый, – ответил Мариетт.

– Я беру свое обвинение обратно, – сказал Александр. – Вы не мелкая душонка. Вы неудачник. Где амулеты сейчас?

– Британский музей недавно переехал, и в новых помещениях было много места для сокровищ египетского искусства. Англия скупила почти весь художественный рынок.

– Стало быть, один амулет в Лондоне? – пробормотал Александр. Для него это было то же самое, что на Луне. Но, вероятно, он все-таки сможет достать второй амулет.

– А другой в Санкт-Петербурге, – ответил Мариетт на вопрос Дюма. – В Эрмитаже – крупнейшем музее России.

– Я знаю, что такое Эрмитаж, – перебил его Александр. – Всего несколько месяцев назад он сам опубликовал в своей газете статью, восторженно сообщавшую, что Петербургский музей наконец-то открыли для всех посетителей. – И я знаю, как далеко он находится.

Выходит, амулетов номер два и три ему не видать – а вместе с ними и миллиона франков.

– Где оставшийся амулет? – спросил Дюма.

– Он здесь, в хранилище. – Куратор отшатнулся от Александра. – Но я не собираюсь его продавать. Ни за какие деньги.

Вскоре Александр покинул Лувр. Улицы причесывал морозящий дождь. Писатель надел цилиндр и спустился по парадной лестнице музея. Капли барабанили по шляпе. В руке он держал конверт из вощенной бумаги, в котором на ощупь угадывались очертания плоского полумесяца. Карман сюртука снова плотно прилегал к животу Дюма. Триста тысяч франков Леметра израсходованы. Богатство сгорало быстрее свечи из говяжьего сала.

Теперь Александру оставалось только уговорить Леметра отдать ему оставшиеся семьсот тысяч франков пусть и за один амулет. Дюма был уверен, что это ему удастся. Если он чему-то и научился в жизни, так это фехтовать словами. Ему уже казалось, что он чувствует запах, который будут источать банкноты, когда он станет ими обмахиваться.

Глава 12. Париж, дом леметра, декабрь 1851 года

Постепенно Александр терял терпение. Он пытался пройти в дом месье Леметра уже целый час. Похоже, этот человек был не только богатым, но и знаменитым. Имение Леметра оказалось большим зданием с пышно разросшимся палисадником. Внутри были бассейны с каскадами фонтанов, в которых журчала чистая, без единого листика вода. Балкон украшали скульптуры античных богинь.

Перед коваными воротами собралась толпа. Дюма чуть было не стало завидно. Этим утром в шато Монте-Кристо пришли двадцать посетителей – Леметр же привлек около трехсот. Кареты запрудили всю улицу, не давая проехать все прибывавшим экипажам. Гвардейцы стояли на улице и регулировали движение.

Многие ожидающие опирались на костыли или держались за своих спутников. Александр видел старух в лохмотьях и молодых господ в модных сюртуках. Дамы из высшего общества держали на руках малышей. Господин в устаревшем парике сжимал картину маслом в золотой раме.

Неужели все они хотели попасть к Леметру? Александр достал карточку человека, несколько часов назад сунувшего ему триста тысяч франков. Он еще раз прочитал загадочное понятие под его именем: *магнетизёр*. Александр вновь принялся гадать, в чем дело. Судя по фигурам возле дома, он предположил, что Леметр был каким-то целителем.

Александр протиснулся сквозь задние ряды. Запах, исходивший от воротников и рукавов людей, напомнил ему смрад на поле боя, где уже три дня как велась битва. Хотя писатель никогда и не участвовал в сражениях, он не раз рисовал их в воображении для некоторых сцен романов.

В отворот левого рукава Александра вцепилась подагрическая рука. Он хотел было вырваться, но приглушенный голос его удержал.

– Месье. – Он обернулся. Сзади стоял старик в треуголке, из-под которой выбивались белые волосы. – Здесь толкотня не приведет вас к финишу быстрее. Мэтр приглашает гостей входить в том порядке, который сам сочтет нужным. – Фигура усмехнулась. – В этом вам не помогут даже деньги.

Похоже, старик был прав. Только сейчас Александр заметил, что никто не проталкивается вперед. И крика тоже не было. Люди смирно стояли на месте.

– Но как же тогда попасть внутрь? – спросил он.

– Вас вызовут. Смотрите! Вон там, впереди!

Скрюченные пальцы указали в сторону садовых ворот в три метра высотой. Перед ними была установлена повозка с открытым кузовом, на котором стояли двое мужчин. Один из них держал в руке бумагу. Другой кричал что-то над головами толпы. Несмотря на расстояние, разобрать слова было несложно.

– Дюбуа, Жан-Мари. Оро, Адольф. Каде, Виктор. – В трех разных местах в толпе началось движение.

– Выходит, все эти люди записаны к Леметру? – уточнил Дюма.

– А вы нет? – спросил старик. – Тогда вам придется потерпеть несколько дней.

– Меня срочно ждут, – возмущенно сказал Александр и задумался, зачем он пыжится перед стариком. Писатель похлопал человека по тонкому как бумага плечу. – Посмотрим, кто из нас будет первым, мой король.

С этими словами он протянул стоящему рядом табакерку «Доппельмопс».

Спустя несколько понюшек господин на помосте назвал имя Александра. Старик рядом с ним уже полчаса как выиграл соревнование. Александр недоумевал, зачем так торопился сюда по дороге из Лувра.

Его имя прокричали еще раз. К нему повернулось несколько голов. Разумеется. Люди его знали. Знаменитый Дюма пришел в гости к знаменитому Леметру. Об этом станут говорить на улицах Парижа. А в следующем номере «Мушкетера» Александр и сам расскажет об этой встрече. Само собой, он умолчит о продаже амулета и миллионе франков. Люди захотят заполучить газету и без этих подробностей.

Александр вошел в дом и оказался в зале, где было удивительно мало людей. Свет сверкающих люстр отражался в полированном паркете. Двое ливрейных направили Дюма к красивой двустворчатой двери, ведущей в салон со стенами, выкрашенными в нежно-серый цвет. Здесь не было ни украшений, ни декоративных растений, ни картин. Несколько черных четырехугольных чугунных печей излучали тепло. Должно быть, в них горели травы, потому что в воздухе пахло пихтовой смолой и бергамотом. Александр вспомнил, что чувствовал этот запах и в карете Леметра.

По салону были расставлены ширмы, разделявшие зал на своего рода кабинеты. В них группами сидели и беседовали посетители. Казалось, социальные барьеры пали. Александр снова увидел старика с треуголкой – теперь он снял шляпу, – болтавшего с двумя молодыми дамами в кринолиновых платьях. Белые плечи выглядывали из кашемировых тканей от известного изготовителя шерстяных платков Терно. Александр видел хлопковый дамаст³³ и шелковые кружева. Рядом с ним женщина в изношенной юбке вытащила скрюченную ногу из деревянного башмака, наклонилась и почесала между пальцами. Должно быть, Леметр волшебник. Он собрал весь Париж, и при этом его жители не растерзали друг друга. Прежде это удавалось только Великой революции.

Но где же хозяин дома? Александр осмотрелся по сторонам, любезно кивнул собравшимся и пошел дальше. Леметра нигде не было видно. Когда Александр спросил, где магнетизёр, молодой щеголь в красном шейном платке ответил, что через несколько минут мэтр начнет лечить следующих пациентов в *бакэ*³⁴.

– Это в конце салона, – пояснил юноша и указал в соответствующем направлении.

Александр торопился. Ему нужно скорее поговорить с Леметром. Возможно, в спешке магнетизёр легче согласится на необдуманную сделку и отдаст деньги Александру, хоть тот и привез лишь один амулет.

Дюма шел через зал, и к нему примыкало все больше и больше гостей. Они были такими же вялыми, как толпа на улице. Медленно все шаркали вперед. Александр достиг цели одним из первых. Перед красным занавесом на подставке из латуни стоял круглый дубовый ящик с продырявленной крышкой. Из отверстий торчали железные стержни с шарнирами-суставами. В несколько рядов вокруг ящика были расставлены стулья.

Где же Леметр? Александр ощупывал амулет в кармане сюртука.

Первые гости добрались до конструкции, которую молодой посетитель называл бакэ. Некоторые встали позади стульев, другие сели. Казалось, каждый знает, где его место.

Александр как будто невзначай подошел к занавесу и заглянул за него. Его надежда найти там дверь в покои Леметра не оправдалась. Занавес скрывал лишь еще одну голую стену.

Все двадцать стульев теперь были заняты. Времени оставалось мало. Ливрейные принесли моток синей ленты. Пациенты тянули ленту и обматывали ее вокруг бедер, пока все они не оказались соединены синей линией. Где-то зазвенел колокольчик. Свет в зале погас, и теперь видно было только бакэ и собравшихся вокруг бадьи. Лица зрителей, стоявших за

³³ Дамаст – узорчатая ткань.

³⁴ Бакэ (*фр.* baquet – чан, бадья) – чан с водой, где находятся намагниченные железные стержни. Термин придуман Францем Месмером (1734–1815, немецкий целитель, создавший учение о «животном магнетизме», или месмеризме), который и избрал это приспособление. Люди, практиковавшие это учение, назывались магнетизёрами.

стульями, расплывались. Александру вспомнилась одна из мрачных картин Гойи³⁵, на которых испанский художник придавал форму своим ночным видениям.

На краю темноты зашевелились складки занавеса. Из-за него вышел Леметр. Как такое возможно? Александр ведь только что искал его там и даже не нашел входа. Леметра встретили перешептыванием. Никто не зааплодировал. Видимо, это было не театральное представление. Но что же тогда?

Пора! Момент настал.

– Месье Леметр! – прошипел Дюма. – Сюда!

Но магнетизёр не смотрел в его сторону. Вместо этого он подошел к бакэ и ощупал железные стержни. На Леметре был темно-красный бархатный сюртук с черными лацканами и маленький берет, с которого свисала кисточка и гладила его по щеке.

Александр подошел поближе.

– Месье Леметр! – сказал он снова, на этот раз громче.

Леметр, прищурившись, посмотрел в тень. Узнав Дюма, он подошел к писателю и пожал ему руку. При этом магнетизёр схватил его за плечо, как генерал, поздравлявший ефрейтора³⁶ с подвигом.

– Месье Дюма, – громко сказал Леметр. – Как приятно, что в моем скромном салоне собираются величайшие умы Франции. – Тише он добавил: – Вы как раз вовремя. Дайте мне амулеты. Они нужны мне для второй части представления.

Александр вытащил сверток из кармана и протянул его Леметру.

– Мне удалось достать только одну подвеску. Но это стоило мне всего задатка.

Он попытался придать лицу триумфальное выражение.

Леметр вырвал из рук Дюма артефакт, завернутый в вощеную бумагу, и вытащил его. Его пальцы шарили по поверхности амулета.

– Где остальные диски? – прошипел он.

– Их больше нет, – сказал Александр. Он решил поставить на карту все. – Вам нужен оставшийся экземпляр? Тогда платите полную цену. По взгляду Леметра Александр понял, что магнетизёр у него под контролем. – Или я заберу амулет назад.

Леметр еще раз посмотрел на бронзовый диск.

– К нему была прикреплена цепочка? – спросил он.

Александр кивнул и передал ему цепочку.

Леметр улыбнулся ему. Это была та же улыбка, которую он натянул тогда в карете. Кожа у него на щеках и под глазами сморщилась.

– Я заплачу полную цену. Но сперва мне нужно позаботиться о пациентах. Вы ведь поучаствуете в сеансе, месье Дюма?

Александр хотел настоять на оплате. Но ведь здесь собралось пол-Парижа. Он не мог на глазах у всех принять деньги от Леметра. Кроме того, в представлении магнетизёра, возможно, тайлся материал для хорошей истории. Сцена одного из следующих романов могла бы произойти на таком вечере. Читатели будут в восторге.

По знаку Леметра один из слуг принес дополнительный стул. Александр занял место. Его сосед протянул ему конец синей ленты. Дюма попытался обмотать ее вокруг живота, но длины не хватило, и он засунул ее под подтяжки. Теперь писатель был готов к тому, что собирался явить публике Леметр. Александр положил руки на колени и кивнул соседу. Только тогда он понял, что рядом с ним сидит Бернар Пивер. Что здесь делает председатель Законодательного

---

³⁵ Франсиско Гойя – испанский художник, один из первых и наиболее ярких мастеров изобразительного искусства эпохи романтизма.

³⁶ Ефрейтор – второе в порядке старшинства (после рядового) воинское звание.

собрания? Дюма хотел дать Пиверу понять, что узнал его. Однако прежде чем писатель успел что-либо сказать депутату, Леметр заговорил.

Магнетизёр встал за бакэ и взял один из железных стержней. Он потер металл между большим и указательным пальцами.

– Друзья мои! Мы собрались, чтобы излечить наши тела. Они заболели, потому что мы используем их, лишь чтобы преследовать удовольствие. Но удовлетворение одного момента – есть проклятие следующего. Спокойную, неизменную красоту можно найти только во сне.

Леметр заговорил с приспособлением. Он читал заклинание? На театральной сцене этот эффект пришлось бы зрителям по душе. Однако здесь – Александр огляделся – все взгляды были прикованы к Леметру, и ничто не могло отвлечь внимание публики. Поэтому его прозвали магнетизёром?

Леметр потянул один из стержней. Штуковина стала длиннее. Она прямо-таки выросла из ящика, словно механическое щупальце. Теперь были видны шарниры, приделанные к металлическому стержню на одинаковом расстоянии друг от друга. Леметр сгибал и вертел отросток, пока не смог дотянуться им до одного из пациентов. Это был старик в треуголке.

– Назовите ваш недуг, – потребовал магнетизёр.

– Подагра, месье Леметр, – ответил старик. – Я чувствую боль, особенно в пальцах, день и ночь.

Леметр вложил конец металлического стержня в ладонь мужчины и повелел ему обхватить конструкцию обеими руками. Затем он вытащил следующее щупальце и повторил все то же самое с соседом старика. Когда Леметр раздал все металлические стержни, Александру представилась картина из кошмара: приспособление превратилось в паука, паука с двадцатью ногами. А на конце каждой конечности барахталась добыча в виде больного человека. Некоторые держались за концы металлических прутьев руками. Другие прижимали железо к голове. Третьи запихнули его в рот и пыхтели, пытаясь вдохнуть достаточно воздуха через нос. Александр хотел отказаться от железного стержня. Однако один из слуг встал позади него и теперь прижимал холодный металл к щеке Дюма. В тот день его снова мучила зубная боль. Но откуда незнакомец это знал?

Где-то звучала музыка. Флейта играла восточную мелодию. Александр видел, как пациенты берутся за руки. Месье Пивер тоже протянул Александру руку. Дюма не хотел показаться невежливым и уступил. От прикосновения ладонь покалывало, что впоследствии только усилилось. Неужели всех этих людей действительно пронизывала какая-то магнетическая сила? Сила, исходящая от этого бакэ и передававшаяся через металлические стержни? Это ведь просто игра воображения! В театре людям тоже казалось, что они сами чувствовали каждый поцелуй и каждый укол шпагой, если актеры были хороши. А Леметр, по-видимому, отлично разбирался в своем ремесле.

Теперь мэтр вытащил металлический прут из конструкции. Он погладил им пациентку по рукам, ногам и волосам. Затем он проделал ту же процедуру с ее соседом. Пока магнетизёр продолжал лечение, несколько пациентов начали сильно кашлять. Александр чувствовал, как внутри поднимается неприятный жар. Прикосновение щупальца, рука соседа, неслыханная мелодия флейты – все это вызвало в нем возмущение жизненных сил. Ему хотелось вскочить и немного пройтись.

Пивер тоже кашлял. Александр видел, как судорожно сжимается шея депутата и как подскакивают мышцы под его ребрами. Из-за стульев доносился плач мужчины.

Перед Александром вдруг вырос Леметр. Магнетизёр протянул писателю руку.

– Пойдемте, месье Дюма! Я избавлю вас от зубной боли.

– Но откуда вы о ней знаете? – спросил Александр.

Он почувствовал, как Пивер ободрающе сжал, а потом отпустил его руку.

– И от жалоб в вашем нагрудном кармане, – продолжил Леметр.

Александр поднялся и огляделся. Никто не обращал на него внимания. Пациенты были полностью заняты тем, что происходило с их телом. Зрители за стульями смотрели только на публику.

Писатель тяжело поднялся. Покалывание пронзило его до самых ступней.

– Да, конечно, – сказал он Леметру. Тот отвел его в один из кабинетов. Там двое мужчин уселись в мягкие кресла. Леметр пододвинулся к Александру и наклонился вперед.

– Эти амулеты уникальны. Где два недостающих экземпляра?

В голосе Леметра послышалась сталь, – сталь, по которой стучит молоток.

– Я ведь уже сказал вам: их больше нет, – ответил Дюма. – Но я вынужден настоять на вознаграждении за единственный оставшийся экземпляр.

– Месье Дюма, я распознаю ложь столь же отчетливо, как и боль в ваших зубах.

Александр выпрямился и хотел было возразить, но Леметр положил руку ему на грудь, вынудив полностью опуститься в кресло. Мягкая спинка прижалась к его спине. Шум бакэ теперь звучал еще приглушеннее.

– Вы получите деньги, месье Дюма. – Леметр наклонился еще сильнее. – Но сначала мне нужно проверить подлинность артефакта. Вы ведь понимаете.

Не дожидаясь ответа, он достал амулет, развернул вощеную бумагу и взял бронзовый диск двумя пальцами. Теперь магнетизёр держал его между их лицами и смотрел на Дюма левым глазом через отверстие в диске.

– Где остальные артефакты? – спросил Леметр.

Как этому человеку удастся не моргать? Взгляд Леметра был неподвижен. Казалось, он стал частью амулета. Александр почувствовал, как его веки отяжелели.

– В Эрмитаже и Британском музее, – услышал Дюма свое бормотание.

Он нахмурился.

В этот момент прогремел выстрел.

Глава 13. Париж, дом Леметра, декабрь 1851 года

На фоне свинцово-серого неба перед Анной вырос лес из спин. Перед именем на улице Ришелье собралась целая толпа. Похоже, все ждали, когда их пропустят к Леметру – и Анне пришлось встать в конец. Она так сильно вцепилась в колеса инвалидной коляски, что ей казалось, они могли сломаться. Леметр был в этом самом доме. Быть может, он даже видел ее в окно. Но его было не достать.

Толпа бормотала. Со стороны имения послышался голос, громко выкрикнувший чье-то имя.

– Месье Ганнерон, прошу!

Анна не могла понять, что происходит. Иммануэль объяснил ей, что в дом впустили мужчину – наверное, того, кого вызывали.

Неужели все эти люди были записаны к Леметру? На мгновение храбрость Анны провалилась куда-то в бездну. Но разве не она была Молль от рождения и в то же время вдовой графа фон Дорна? Она принадлежала к двум семьям, которые сражались с турками, давали отпор шведам и восставали против Наполеона. Беспорядочная кучка французов – для нее не помеха.

Следующей вызвали мадам Бертье.

– Это я! – крикнула Анна.

Она прикрыла рот ладонью и затаила дыхание. Когда никто не возразил, Анна подняла руку и помахала.

Ожидющие оглянулись на нее, и стена перед ней разделилась. Анне не нужно было говорить Иммануэлю, что делать. Он толкнул инвалидное кресло в образовавшееся пространство. Ее тут же окружили люди. Ее поглотили заросли рук и животов. Все пристально смотрели на Анну. Иммануэль крикнул: «Пропустите мадам Бертье!»

Никто ее не останавливал. Некоторые желали Анне удачи. Кто-то попросил ее замолвить словечко за Легранда у Леметра. Наконец Анна оказалась у ворот.

На кузове стояли двое элегантно одетых мужчин. Один держал лист бумаги и продолжал выкрикивать имена. Другой наклонился к ней.

– Мадам Бертье?

– Это я, – сказал кто-то позади Анны.

Мимо Анны с шумом прошла женщина лет шестидесяти. На ней было платье цвета шафрана, а поверх него – огненно-красная накидка. Анна лишь коротко посмотрела на нее.

– Но мадам Бертье – это я, – сказала Анна господину на кузове.

Голова желтой дамы повернулась к ней.

– Быть такого не может. Я жду здесь с самого рассвета. Вас я тут не видела. – Она сморщила нос. – Что вам вообще надо от месье Леметра?

Человек со списком смотрел то на одну мадам Бертье, то на другую. Затем он провел пальцем по бумаге.

– У меня тут только один человек по имени Бертье, – наконец заключил мужчина.

– Быть может, здесь и несколько Бертье, – сказала пожилая дама. – Но мне лечение нужно больше. Я ведь сгорблена старостью. У меня ломят суставы, и я еле хожу.

Консьерж еще раз оглядел двух женщин. Его взгляд задержался на инвалидной коляске. Потом мужчина указал пальцем на Анну.

– Вы, пожалуй, больше. Прошу вас.

Анна еще слышала, как желтая дама кричит ей вслед, что в следующий раз тоже купит инвалидное кресло. Потом Иммануэль толкнул коляску в дверной проем.

Анна сразу узнала запах Леметра. Если у нее и оставались сомнения относительно того, действительно ли в этом доме жил магнетизёр, то сейчас они окончательно развеялись.

Через красную дверь Иммануэль втокнул ее в зал. Окна закрывали занавески. Почти везде царила темнота. Лишь в дальнем конце широкой комнаты горел островок света. Когда Анна подъехала ближе, она увидела людей, которые сидели на стульях и прижимали к телу металлические стержни. Слуги ходили между рядами и поправляли положение их рук. Пациенты водили палкой длиной в локоть по рукам, ногам, волосам. За этим зверинцем молча наблюдали другие посетители, стоящие позади. Флейта играла простую мелодию.

Леметра нигде не было видно.

Анна положила руку на корзину с пистолетом и повернулась к Иммануэлю. Не стоило подвергать помощника опасности.

– Лучше подожди меня снаружи, – сказала графиня. Сперва слова не хотели покидать ее уст. – Здесь я справлюсь сама.

Слышал ли Иммануэль легкую дрожь в ее голосе? Он наклонился к ней.

– Я не оставляю вас, графиня.

Анна развязала узел под чепцом, сняла его и протянула Иммануэлю.

– Отнеси это в карету и жди у входа.

Иммануэль ушел.

Анна медленно поехала к собравшимся. Слышался кашель, кряхтение и пыхтение. Некоторые из сидящих на стульях качали головами, другие быстро барабанили ногами, и этот ритм не подходил к мелодии флейты. Стоявшие за рядами стульев наблюдали за представлением, некоторые прижимали руки к щекам. Женщина возраста Анны, похоже, больше не могла выносить этого зрелища и отвернулась.

Анна приблизилась к ней.

– Мадам? – тихо спросила она и взяла зрительницу за руку, облаченную в газ³⁷.

Дама испугалась и хотела отдернуть руку. Однако Анна не отпускала ее.

– Я только что пришла, – объяснила Анна. – Где я могу найти месье Леметра? Он ведь здесь?

Женщина неопределенным движением показала в зал.

– Несколько минут назад мэтр был там. Потом он ушел в один из кабинетов с месье Дюма. Надеюсь, магнетизёр скоро вернется и исцелит этих бедных людей от недугов. Жду не дождусь, когда наконец настанет эта великая минута.

– Я тоже, – сказала Анна.

Поблагодарив даму, она повернулась к причудливому балету спиной. Леметр снова сумел подчинить людей своей воле. Анна была уверена, что он использовал магнетические силы совсем не для того, чтобы исцелять больных. Что бы ни задумал этот злодей, у него больше не будет возможности довести планы до конца.

Анну не удивило, что Дюма пришел к Леметру. Иначе зачем магнетизёр посещал писателя в шато? Теперь ей представилась возможность разом уничтожить обоих негодяев. Она непременно сдаст Дюма полиции. Леметра же ждет свинцовая пуля.

Анна достала терцероль и спрятала его под рюшами платья. Затем она поехала между перегородками, заглядывая в кабинеты. Тут и там горели маленькие масляные лампы, которые отбрасывали больше тени, чем света. Осмотрев где-то половину зала, графиня услышала приглушенные мужские голоса. Анна медленно катила инвалидное кресло вперед, ощущая под ладонями все шероховатости терракотовой плитки.

За одной из ширм, на которых были вышиты экзотические птицы, мерцал свет. Шевелились тени.

На мгновение Анна остановилась, чтобы поправить проволочную оправу очков. Нельзя снова упустить Леметра!

---

³⁷ Газ – легкая прозрачная ткань особого переплетения.

Послышался крик, потом еще один. Лечение, казалось, приближалось к кульминации. Анна огляделась, но никто за ней не шел и даже не смотрел в ее сторону. Графиня медленно достала пистолет, снова сдвинулась с места и по широкой дуге объехала перегородку. Она двигалась так медленно, что ее не заметили бы даже вышитые птицы, будь они живыми.

В кресле с зеленой бархатной обивкой сидел Александр Дюма. Его пухлые запястья как мертвые рыбы свисали с подлокотников. Голова была наклонена набок, копна волос напоминала водоросли, а из открытого рта тянулась ниточка слюны.

Больше никого с ним не было.

Анна прицелилась терцеролем в темноту позади Дюма. Леметр заметил ее и убежал? Тогда она бы услышала его шаги. Он вообще здесь? Был лишь один способ это выяснить.

Графиня подъехала как можно ближе к Дюма, крепко сжимая пистолет. В нерешительности Анна попыталась дотронуться до спящего свободной рукой. Она коснулась одной из его рук, но Дюма не шевельнулся. Где-то еще трогать мужчину она точно не собиралась. Анна снова взглядела в тени. Убедившись, что там никто не таится, она положила пистолет на колени и как можно громче хлопнула в ладоши.

Александр вздрогнул и открыл глаза. Он точно слышал выстрел. Но перед ним сидела только дама из цензурного ведомства. Где...

– Месье Леметр? – спросил Дюма. Что-то влажное текло у него по подбородку. Он вытер слюну.

– Где он? – Голос цензора совсем не сочетался с ее хрупким обликом.

– Он только что смотрел на меня через амулет, – сказал Александр скорее самому себе.

Писатель провел рукой по глазам. Он что, спал? Или это все еще сон? Как Леметр превратился в эту женщину? Александр огляделся.

Снова повернувшись к ней, Дюма увидел дуло пистолета. Оружие было маленьким – всего лишь терцероль. Но оно было опасно близко.

– Это новые методы цензуры? – спросил Александр. – Я же утром отдал вам печатные листы со статьями. Вам мало угрожать моим работам? Вам нужно уничтожить и самого автора?

Ствол пистолета не дрожал. Дама была настроена решительно.

– Скажите мне, что замышляет Леметр, – потребовала она.

Леметр! Александр ощупал карманы сюртука. Там ничего не было. Ни бронзового диска. Ни пачки денег.

– Этот грязнототый мерзавец сбежал и забрал амулет! – крикнул он и собирался было вскочить, но ему помешал пистолет. – Мадам! Я не знаю, почему вы хотите сразиться с этим негодяем, но если мы так и будем сидеть здесь, он улизнет. И все мои деньги отправятся с этим чертом в ад.

Откуда эта женщина? Она точно не из Франции. Любая француженка давно бы поддалась его обаянию и славе и скорее пустила бы пулю себе в голову, чем стала бы угрожать кончиной Александру Дюма. И все же: он опять висел на волоске от смерти. Об этом можно написать несравненную передовицу для «Мушкетера». Фрушара он попросит проиллюстрировать драму рисунком.

– Послушайте! – сказал Александр. – Я этому человеку не друг. – Писатель старался говорить как можно спокойнее. Очевидно, он имел дело с сумасшедшей, сумасшедшей с пистолетом. – Я предлагаю поискать его у пациентов. Позвольте мне встать: я медленно пойду впереди вас, и вы сможете пустить мне пулю в спину, если вам будет угодно.

Женщина уступила. Александр спокойно подошел к инвалидному креслу. Ему хотелось побежать.

Каждая упущенная секунда увеличивала преимущество Леметра.

В зале сидели больные. Но похоже, лечение приближалось к концу. Помощники Леметра собирали металлические стержни и складывали их в дубовый ящик. Некоторые пациенты обмякли на стульях. Другие терли колени, руки или щеки. Зрители сзади перешептывались.

Александр искал месье Пивера. Быть может, депутат видел, куда ушел Леметр. Однако стул политика оказался пуст.

– Где он? – спросила женщина позади него.

Когда Александр обернулся, она разговаривала с одним из слуг. Рука с пистолетом была спрятана в складке платья. Слуга склонил голову набок и сказал, что сожалеет, но мадам придется прийти в следующий раз. Лечение закончено. Мэтр только что покинул дом.

Александр бросился к выходу. Если он не получит деньги, с ним все кончено. Тогда от великого Дюма не останется ничего, кроме расточителя чернил и балагура, который за тарелку супа будет писать любовные письма сентиментальным неграмотным людям.

– Остановитесь! – крикнула дама с пистолетом позади него.

Он распахнул красную дверь и побежал по коридору так быстро, как только позволял его живот. Снаружи было уже темно. Толпа перед забором разошлась. Кое-где стояли люди, разговаривали и показывали на дом магнетизёра.

Александр крепко держался за прутья ворот. Он тяжело дышал. Вдоль тротуара стояли кареты. По левую руку от него отъехала повозка. Он бросился к ней и схватил лошадь за трензель. Животное рванулось и чуть не сбilo его с ног. Кучер осыпал его руганью и намеревался спрыгнуть с козел с кнутом в руке, но Александр уже распахнул дверцу кареты. Однако вместо Леметра в свете прикрепленного сбоку газового фонаря он разглядел двух барышень. Одна забилась в самый дальний угол скамьи и принялась верещать от ужаса. Другая протянула руку, вырвала дверцу у него из пальцев и захлопнула ее.

– Извините, – сказал писатель через окно и отпрянул под угрожающе поднятым кнутом кучера.

Отъехало еще несколько одноконных экипажей. Который из них? Вот бы обманщик выглянул в окно!

Тут Александр вспомнил скрюченную старуху, сидевшую утром на козлах у Леметра. Она походила на гриб, ядовитый и заплесневелый. Нужно искать ее.

Мимо него проехала еще одна карета. Колеса стучали по макадаму³⁸. «Ядовитая старуха, ядовитая старуха», – вызывал Александр образ кучера Леметра.

– Если вы сейчас же не остановитесь, я выстрелю, – сказал голос позади него. Сумасшедшая в инвалидной коляске его догнала.

– Как мне найти нашего общего врага, если вы все время мне угрожаете? – накинута на нее Дюма.

Ее лицо тускло освещал газовый фонарь – этого хватило, чтобы заметить в ее чертах колебание. Александр не сомневался, что сможет вырвать у нее терцероль. Но сейчас у него есть дела поважнее.

– Каретой Леметра управляет старуха, – с трудом дыша, объяснил писатель. – Ищите ее! Только так мы сможем его найти.

– Вы про эту? – Она указала стволом пистолета ему за спину.

Александр обернулся. Между двумя живыми изгородями из увядших бугенвиллий катилась карета. Салон скрывали занавески. На козлах сидела та сгорбленная фигура в большой круглой шляпе, от которой у Александра еще в первую их встречу по спине пробежал холодок.

---

³⁸ Макадам – щебень для мостовых, шоссе.

Карета Леметра!

– Дайте сюда! – Александр вырвал пистолет из рук преследовательницы и побежал к повозке. Колени его болели, а живот качался при каждом шаге. Уже много лет писатель столько не двигался.

Карета почти достигла улицы.

– Стоять! – запыхавшись, крикнул Александр – слишком тихо для такого расстояния.

Дюма поднял пистолет, прицелился в ночное небо и спустил курок.

Выстрел эхом прокатился по вечерней улице Ришелье. Терцероль, предназначенный для отпугивания птиц, действовал и на животных покрупнее. Лошадь перед каретой Леметра затропотала, задергала за дышло, попыталась встать на дыбы, однако упряжь на оглобле ее удержала. Животное мотало головой. Одна из шор открепилась и упала. За ней показался распавшийся от страха глаз. Повозка двигалась рывками. Старуха на козлах хлестнула лошадь кнутом и громко прокричала что-то на незнакомом языке.

Александр продолжал бежать к карете. Тут прямо перед лошадью выскочил рослый парень в зеленом пальто. Он вытянул руки, словно собираясь соорудить ими баррикаду.

– Иммануэль! – крикнула женщина в инвалидной коляске.

Мужчина в зеленом подскочил к лошади. Похоже, он выискивал пространство между взмывшими в воздух копытами. Его рука ринулась вперед и сжала трензель. Животное заартачилось. Пальцы соскользнули. Мужчина схватил удила снова, на этот раз крепче.

Александр почти добрался до кареты. Теперь Леметр в ловушке. Занавески зашевелились.

Женщина в инвалидной коляске снова выкрикнула имя укротителя лошади.

Старуха на козлах поднялась. Теперь ее скрюченная фигура держалась за один из двух ослепительно ярких фонарей. Поводья она бросила. Свободной рукой женщина взмахнула кнутом и хлестнула им по крупу лошади. Свист кнута был не таким громким, как выстрел из терцероля. Однако подействовал он так же.

Животное сбросило Иммануэля. Еще один удар кнутом, и лошадь понесла. Боком она повалила своего укротителя на землю. Иммануэль бы обошелся царапинами, если бы правое переднее колесо кареты не прокатилось по его ногам. Кости сломались со звуком раскалывающихся орехов. Рослый крепкий мужчина без движения лежал на дороге.

Карета Леметра исчезла в тумане, поднимавшимся над Сеной.

Глава 14. Париж, декабрь 1851 года

Адъё, Париж! Леметр раздвинул занавески кареты и смотрел на проплывающие мимо огни. Они проехали через шумную Биржевую площадь. Дворец Броньяр, который весной украсили новыми скульптурами, был ярко освещен. За ним виднелась колокольня Сент-Шапель. Скоро все это погрузится в хаос. Досадно, что Леметру приходится покинуть Париж совсем незадолго до своего триумфа. Но все произойдет и без него. Об этом он позаботился.

Леметр откинулся на спинку скамьи. Занавес закрылся. Его представление в Париже подошло к концу. Но он твердо знал, что еще исполнит его на бис.

Магнетизёр повернул газовый фонарь повыше. Пивер, опустив голову, сидел на скамье напротив. Верхняя часть туловища депутата качалась при каждом толчке. Глаза его были закрыты. Козлиная борода словно кисточка касалась парчового жилета.

Леметр чувствовал удовлетворение: он достиг успеха. В его сети снова попалась крупная рыба. Все его салоны привлекали добычу: представителя парламента, влиятельного аристократа или высокопоставленного военного. Среди дергающихся больных и магнитных труб никто не замечал, что происходит вокруг.

Веки Пивера затрепетали. Пора доставать амулет.

Леметр вытащил диск из кармана сюртука. Магнетизёр бережно провел по нему ладонью. Это действительно был артефакт из того времени, когда он с генералом Дюма возвращался домой из Египта. Тогда Леметр был всего лишь юнгой, низким и исхудалым. Тома-Александр Дюма, напротив, был великаном – и по фигуре, и по храбрости. Темнокожий генерал – его мать была черной рабыней на Гаити – совершил в Египте больше подвигов, чем вся Революционная армия вместе взятая. Однако из-за упрямства он попал в немилость к Наполеону и в конце концов вынужден был вернуться домой во Францию. В пути Леметр заболел лихорадкой. Болезнь усилилась, и корабельный врач потерял всякую надежду. Капитан хотел продолжить плавание, но Дюма повелел пришвартоваться на Сицилии, чтобы достать пресной воды и лекарственных трав для больного.

Ничего не помогало. Даже ведьма из сицилийской деревушки, которую разыскал генерал, была бессильна против этой болезни. Она уверяла, что недуг вызван каким-то проклятием, чем-то, что мальчик привез из страны фараонов. После этого экипаж настаивал на том, чтобы плыть дальше, а юнгу бросить на острове. Моряки боялись, что проклятие перейдет на них или что они будут повешены за мятеж, не прибудь они на встречу с Наполеоном в Гавре вовремя.

Откуда Дюма достал амулеты, Леметр так и не узнал. Они свисали с темной руки генерала: три диска в форме полумесяца, покрытые зеленой патиной. Дюма часами сидел у постели больного и раскачивал амулеты перед лицом Леметра. Через два дня лихорадка спала. Корабль смог вернуться домой. Никто не узнал, что произошло по дороге.

Момент прибытия в Гавр до сих пор стоял у Леметра перед глазами: лучи солнца, падающие на Атлантический океан, крики чаек, запах табака и смолы. Он протянул генералу маленькую тощую руку. Та исчезла в лапище Дюма. Голосом, которым он раздавал приказы, генерал сказал:

– Благодарю не меня, а врачей фараонов. Если бы они не вложили все свое искусство в эти подвески, ты бы сейчас был мертвым юнгой.

Только тогда Леметр понял, что исцелением обязан не только генералу, но и волшебству, заключенному в этих дисках. В то время он еще верил в сверхъестественные силы. Но он был всего лишь ребенком. Мальчик был убежден, что отрезанный большой палец повешенного вора таил в себе чудодейственные силы, а прах сожженного ежа помогал от падучей болезни³⁹.

---

³⁹ Падучая болезнь – старое название *эпилепсии*.

Теперь он знал, что исцелять, убивать или навязывать свою волю можно безо всякой магии. Достаточно умения правильно обращаться с силами природы и готовности людей поддаваться манипуляциям. И желания повиноваться, которое, как выяснил Леметр, было присуще всем без исключения.

– Сеанс уже закончился? – устало спросил Пивер. Язык его заплетался.

– Вы заснули, месье, – ответил Леметр. – Я решил посадить вас к себе в карету.

Леметр погладил краешек диска. Он был острым и зазубренным.

Пивер выпрямился, отодвинул занавеску и выглянул наружу.

– Эта дорога ведет к Гар дю Нор⁴⁰. Но я ведь живу не здесь. Почему вы не позвали моего кучера?

Леметр вырвал занавеску из рук депутата и снова задернул ее.

– Пардон, месье. Я хотел поговорить с вами с глазу на глаз. Мне нужно вам кое-что показать.

Фрушар весь продрог. Он уже полчаса ждал под газовым фонарем у книжного магазина «Бурбе», как и было договорено. На другой стороне улицы тянулась набережная, а за ней текла Сена. Река рождала туман, который ледяными пальцами цеплялся за ноги Фрушара.

Наемный писатель прижимал ладони к холодным щекам и ушам, и поэтому услышал карету лишь в последнюю секунду. Фрушар отскочил назад, когда его задела лошадь. Он почувствовал, как в нем поднимается гнев. Наверное, вести дела с этим незнакомцем было не лучшей идеей.

Дверца распахнулась. Из кареты вышла фигура в длинном сером пальто и надела цилиндр. Поля шляпы затеняли верхнюю половину лица. Однако Фрушар все равно узнал Леметра.

– Хорошо, что вы пришли, – сказал Леметр. – В завтрашнем номере газеты должна быть дополнительная статья. На первой странице.

Фрушар ждал, что Леметр спросит, получится ли исполнить его пожелание. Но вопроса не последовало. Наконец Фрушар кивнул.

– Это можно устроить. О чем должна быть статья?

Из кареты послышался грохот. Салон покачнулся. Со стороны повозки, обращенной к реке, хлопнула дверца. Медленные шаркающие шаги удалялись по направлению к Сене.

Фрушар указал туда, откуда доносился шум. Он почувствовал, как Леметр положил руку ему на плечо и повел в сторону книжного магазина – прочь от реки. Они остановились перед темной витриной. В ней были видны лишь очертания разложенных книг.

Леметр сунул руку под кропотливо сложенный воротник сюртука и достал согнутый лист бумаги.

– Эти строки я написал сейчас в карете. Обращайтесь с ними бережно, чернила еще влажные. Чтобы они поскорее высохли, я положил туда несколько банкнот.

Фрушар потянулся за бумагой, но Леметр не выпустил ее из рук. Мужчины стояли друг напротив друга. Свободной рукой Леметр снял шляпу. Свет газового фонаря упал на его глаза. К солоноватому запаху реки примешался аромат смолы и чего-то, напоминавшего лимон. Фрушар открыл было рот, но не смог произнести ни слова. Вместо этого он как будто почувствовал у себя во рту духи Леметра. Писатель сглотнул. Холод исчез из ног, уступив место приятному покалыванию.

---

⁴⁰ Гар дю Нор (*фр.* Gare du Nord) – Северный вокзал в Париже.

– Завтра утром эту статью будет читать весь Париж. За это отвечаете вы!

Голос Леметра был так же прекрасен, как журчание Сены весенним вечером. Фрушар мог бы слушать этого человека всю ночь.

– А теперь убирайтесь! – сказал Леметр и отдал бумагу писателю.

Каким магнетическим, тонким как игла чувством такта обладал месть! Фрушар засунул лист в карман жакета, приподнял на прощание шляпу и зашагал по набережной в сторону Гардю Нор. В переулке за недавно построенным вокзалом его ждала типография.

Глава 15. Глава 15. Париж, декабрь 1851 года

Спросить его он не мог. Иммануэль с переломанными ногами без сознания лежал в салоне. Кто-то из пациентов Леметра помог Александру затащить высокого мужчину в карету. Женщину в инвалидной коляске Дюма поднял на скамью сам. Теперь она сидела рядом с раненым и заливалась слезами. Мужчину нужно было как можно скорее доставить в Опиталь де ла Шарите. Потом, поклялся себе Александр, он отвезет графиню в Опиталь де ла Сальпетриер, где лечили парижских душевнобольных.

Однако его торопило не только состояние здоровья пассажиров. Леметр сбежал с амулетом, и теперь был должен Александру семьсот тысяч франков. Естественно, Александр был готов поторговаться. Вместо трех амулетов он привез лишь один. Ему хватило бы и пятисот тысяч франков. Писатель был известен своей щедростью. Не он ли раздал утром кучу денег. Но не менее известен был и его гнев. И он обрушится на Леметра, когда Дюма наконец его догонит.

– Но! – крикнул Александр.

Уши лошади вздрогнули.

Стояла морозная ночь. В небе висел заплесневелый кусочек луны. Дождь и осенний ветер срывали с деревьев последние листья. Экипажей почти не было видно. Париж заснул.

За время на дорогу до госпиталя Дюма мог бы написать сцену для нового романа. Наконец Александр направил карету под входными воротами, колонны и каменный тимпан⁴¹ которых напомнили ему греческий храм. Карета остановилась в мощеном внутреннем дворе. Кругом возвышались грязно-серые стены больницы. На освещенных окнах не было занавесок. Больные в ночных рубашках подошли к карнизам, чтобы посмотреть, кого судьба послала на этот раз. Вскоре Александр оказался в холодном зале ожидания со сводчатым потолком. Потрескавшийся кафель на полу был черно-белым – цвета доминиканского ордена. Писатель был один и опустился на стул. После беспокойных часов, которые провели на этом стуле люди, сиденье распаталось. Дюма было не по себе. Что он вообще здесь делает? Ему пора уйти. Раненый в надежных руках.

Открылась тяжелая дверь, ведущая в палаты, где лечили больных. Монахиня вытолкнула оттуда женщину в инвалидном кресле. Лицо той раскраснелось. Она сняла капюшон, волосы ее были распущены. Пряди спадали ей на плечи. Монахиня поставила инвалидную коляску под распятием в противоположном конце комнаты и пробормотала что-то о помощи Божьей. Когда сестра ушла, в зале повисло гнетущее молчание. Тишину усиливали голые стены.

Александр оперся руками о колени.

– Как он? – спросил писатель.

Слова прокатились по комнате словно железные шары.

Дама прищурилась. Ее взгляд скользил по полуаркам на потолке, ища, за что бы зацепиться. Она молчала. Неужели кучер умер?

От тишины у него заболели уши.

– Хотя бы расскажите, кто этот раненый и что вы от меня хотите, – сказал писатель.

Тишина сгустилась. Женщина стиснула зубы.

– Вы все еще думаете, что мы с Леметром заодно, – продолжил Александр. – Разве вы не видели, что я чуть его не застрелил?

– Это был лишь предупредительный выстрел. – Ее слова гремели как раскаты грома. – Думаете, я не видела, как вы намеренно выстрелили в воздух?

Александр хотел было ответить, что считался мастером дуэли и на шпагах, и на пистолетах. Писатель хотел возразить этой дилетантке, что терцером можно отпугивать голубей,

---

⁴¹ Тимпан – внутреннее треугольное или полукруглое поле фронтона.

но никак не убить человека, ехавшего в карете в двадцати шагах от него. Но отчаяние в ее взгляде заставило его промолчать. Об этой смеси гнева и горя, душевной боли и неистовства он обычно писал истории. Дюма никогда бы не подумал, что человек действительно мог проявлять такие сильные чувства.

Александр поднялся и расправил брючины.

– Если вы больше не нуждаетесь в моей помощи... – Он не закончил фразу.

Перед ним сидела молодая женщина в инвалидной коляске. Ее кучер, даже если и не умер, был так тяжело ранен, что она больше не могла на него рассчитывать. Естественно, графиня нуждается в помощи. В его помощи.

– У вас есть родственники или друзья в Париже, которых я могу попросить вас забрать? – спросил Дюма.

Прежде чем она успела ответить, дверь в палаты вновь распахнулась. Оттуда вышел мужчина в темном костюме. На груди у него висел блестящий кожаный фартук, какие носили кузнецы. Однако этот фартук был ярче и усеян красными пятнами. В руках мужчина сжимал тряпку такого же цвета.

– Добрый вечер. Я доктор Лассайи. Кто из вас привез бедолагу с переломанными ногами?

– Я, – ответили Александр и графиня одновременно.

Доктор посмотрел сначала в один конец комнаты, а потом в другой. Наверное, он привык к тому, что родственники в таких случаях садились как можно ближе, стараясь поддержать друг друга.

– Он жив. Нам даже удалось спасти его ноги. Но ходить он сможет только медленно. Кроме того, ему придется остаться здесь на какое-то время. Минимум на три месяца.

Александр догадывался, что за этим последует.

– Разумеется, вам нужно заплатить за его пребывание у нас, – сказал доктор.

– А если я не могу? – спросила графиня.

– Тогда мы будем вынуждены принять быстрое решение и выписать его как можно скорее, – туманно сказал врач.

– Быстрое решение? – уточнила женщина.

Александр знал, что имеет в виду Лассайи. Раненому отрежут ноги. Затем его оставят в госпитале еще на несколько дней, пока не пройдет угроза воспаления. После его выпишут с наилучшими пожеланиями и костылями какого-нибудь покойного ветерана наполеоновских войн. В Париже хватало людей, изувеченные тела которых рассказывали эту историю снова и снова.

– Сколько? – спросил Александр, прежде чем доктор успел сказать об ампутации.

Сумма, которую назвал Лассайи, была не слишком высокой за три месяца лечения в больнице. А тем более за здоровье человека. Однако для увядшего кошелька Александра она была немалой. Но он не был бы Дюма, всадником лошади по кличке Фантазия, если бы не сумел убедить простого врача разрешить ему отдать деньги позже.

– Мадам, – сказал Александр, – прошу вас, позвольте мне заплатить эту незначительную сумму. Вы сегодня и так многого лишились. – Обращаясь к врачу, он продолжил: – Пришлите мне счет. Александр Дюма, писатель, шато Монте-Кристо в Сен-Жермен-ан-Ле, рядом с павильоном Генриха IV. Вы же знаете: замок, где родился король-солнце.

Казалось, доктор на секунду задумался. Затем он сказал:

– Как правило, счет оплачивается сразу же.

Александр громко рассмеялся.

– Вы полагаете, что я ношу с собой сумму, которая покроет расходы на трехмесячное пребывание в вашем госпитале? Несомненно, я кутила и не скуплюсь на самое дорогое шампанское в лучших ложах театра. Но от кошелька такого размера у меня порвались бы карманы,

а пузо стало бы необъятным. – Он похлопал себя по широким бедрам. – И какая красавица тогда бы пожелала показать мне свои подвязки!

– Вы и вправду Дюма? – спросил доктор Лассайи. – Автор «Трех мушкетеров»?

– Собственной персоной, – вырвалось у Александра.

Писатель привык к восхищению. И тем не менее наслаждался им как хорошим вином, где бы и когда бы ему ни подавали чашу.

– Имени почтеннее и не найти. Ваши работы полны дерзких идей и грубых ошибок. Ваши «Записки врача» – настоящее безобразие! Молюсь, чтобы ни один человек никогда не попал в руки такого медика.

Александр почувствовал, как к щекам приливает жар.

– Я знаю, – продолжил доктор. – В Париже ваши книги очень известны. Но еще известнее сейчас ваши долги. Поэтому я предлагаю вам внести залог. Тогда я распоряжусь, чтобы вам отправили счет только в конце лечения.

Залог! Чего хочет от него этот деловой меcье? Перед ним ведь сам Дюма! Вся Франция смеялась или плакала, стоило ему только пожелать.

Александр порылся в карманах. Он не нашел ничего, что можно было использовать как залог. Лишь пару ниток, несколько крошек нюхательного табака и записную книжку.

Дюма вытащил ее. Чтобы выиграть время, он похлопал ею по животу. Еще было не слишком поздно.

Он мог просто покинуть этот ломбард, замаскированный под больницу. Но напротив него сидит беспомощная женщина и ждет спасения. А слева от него стоит бесстыдный фельдшер и осмеливается читать ему лекции по литературе. Нет! Сбежав от врага сейчас, он потерпит поражение.

Александр раскрыл записную книжку, вооружился карандашом и принялся писать. Закончив, он вырвал страницу и протянул ее врачу.

Лассайи поднес написанное к носу, сузил глаза, а потом вытаращил их.

– Меcье Дюма, – сказал он. – В таком случае мы не только поместим у нас пациента, но и обеспечим ему лучший уход.

Доктор аккуратно сложил записку, засунул ее под кожаный фартук и вернулся в палаты. Дверь за ним закрылась на замок.

– О вашем кучере позаботятся, графиня, – сказал Александр. – Если я предложу помощь и вам, вы все равно снова попытаетесь меня застрелить?

– Пока не знаю, – сказала женщина в инвалидном кресле. – Сначала расскажите, что было в записке, которую вы дали врачу.

– Я оставил в качестве залога шато Монте-Кристо, – сказал Александр как можно небрежнее. У него получилось скрыть дрожь в голосе. – Пойдемте?

Глава 16. Париж, Опиталь де ла Шарите, декабрь 1851 года

С возмутительной медлительностью Дюма толкнул Анну внушительным пузом.

Она откатилась назад, пока спинка кресла не уперлась в распятие.

– Вам нравится геройствовать и вызволять из беды женщин, – отметила графиня.

– Я лишь забочусь о ближних, – возразил он.

– Неужели? – прыснула Анна.

Графиня знала, что упрекает его несправедливо, но ужас от событий этой ночи терзал ей душу. И кто-то должен был понести вину за то, что Иммануэля – ее Иммануэля! – так страшно изувечили.

За дверью, ведущей в палаты, кто-то завопил от боли. Это был не голос Иммануэля, и тем не менее Анна почувствовала, как руки пронзают ледяные иглы.

– Я останусь здесь и буду ухаживать за своим спутником, пока он не поправится, – сказала она. – Тогда вашему драгоценному замку ничего не грозит.

Дюма потер нос ладонью.

– Хотя бы позвольте мне отвезти вас домой. Разумеется, в вашей карете.

Анна посмотрела на пол и пробежалась взглядом по трещине на черно-белой плитке. Домой? У нее нет денег даже на номер в отеле.

– Благодарю, но я подожду здесь. Идите домой, месье! – ответила она.

Дюма полез в карман жилета и вытащил отливающую серебром баночку. Он отвинтил крышку, сунул туда пальцы и принялся поочередно подносить их к ноздрям. Каждый раз он с шумом втягивал воздух. Когда писатель убрал баночку обратно, его пухлые щеки покраснели, а глаза наполнились слезами. Он моргнул.

– Мадам, – сказал он, – я узнаю людей, попавших в беду, по запаху. А вы источаете аромат отчаяния, точно так же, как священник – аромат ладана, а повар – жареного жира. Соглашайтесь! Вы можете переночевать в западном крыле замка. Утром мы вместе поедem в больницу и проведем вашего Иммануэля. Однако мое мастерство кучера еще требует практики. Прошу не судить меня строго.

Анна отбросила назад пряди волос. Она не могла перестать думать о текстах этого мужчины, которые кишели сластолюбцами и женщинами, забеременевшими не по своей воле. Однако в комнату ожидания постепенно заползал холод ночи. Графиня натянула на плечи пальто.

– Нет, – решительно сказала она. – Я останусь здесь. Если вас и вправду беспокоит мое самочувствие, принесите теплое одеяло.

Анну разбудил какой-то звон. Что-то с грохотом упало на пол. Она открыла глаза. Перед ее ногами прокатилась маленькая латунная ваза. Сосуд стоял у подножия распятия и, видимо, упал, потому что Анна во сне задела его головой.

За маленькими окнами зала ожидания светло-серым поблескивало утро. Тусклого света, падавшего через стекла, было достаточно, чтобы разглядеть фигуру, развалившуюся на стуле напротив. Дюма. У его ног лежало его пальто. Наверное, он пытался им накрыться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.